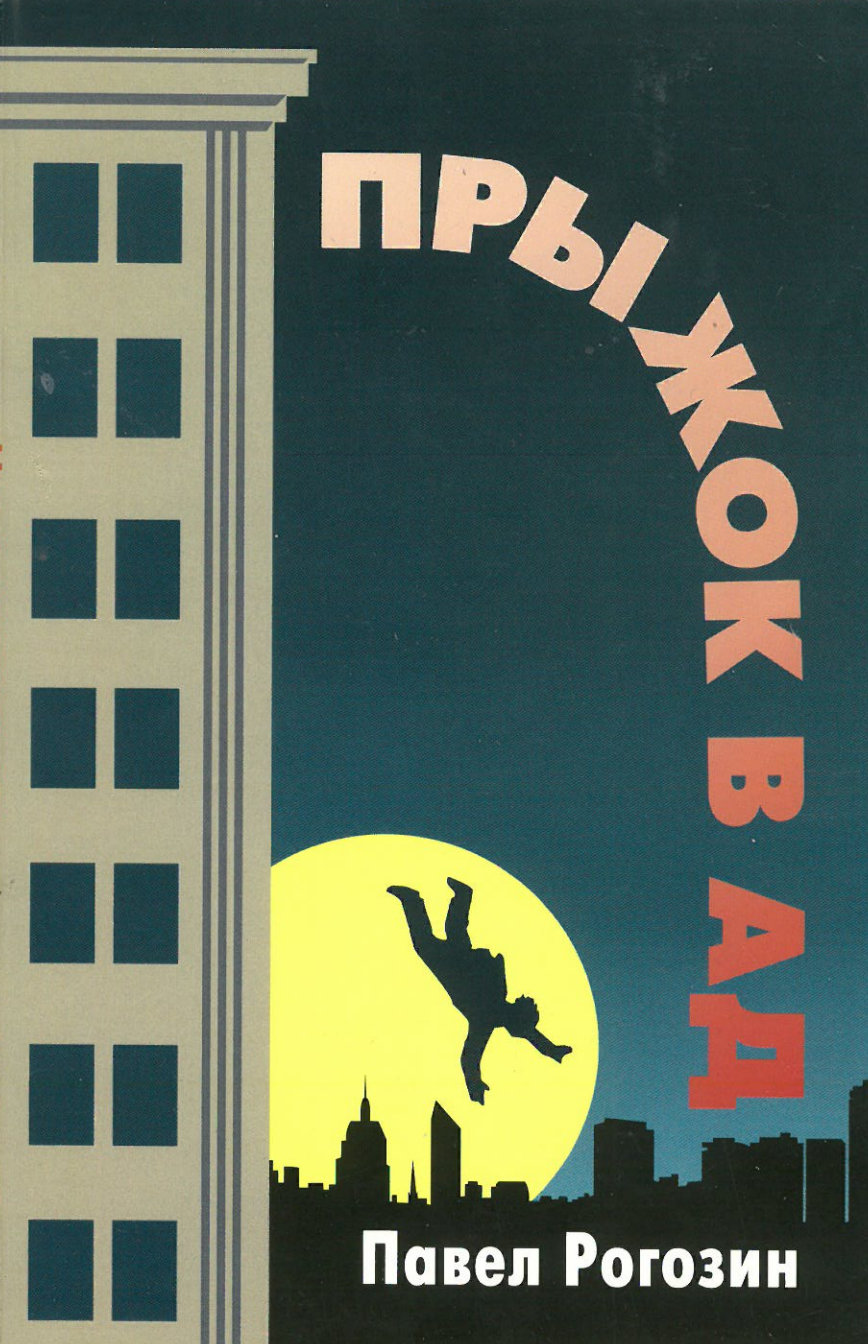

The book cover features a stylized illustration. On the left, a tall, grey building with a grid of dark blue square windows stands against a dark blue background. In the center, a large, bright yellow circle, resembling a full moon or a sun, is partially obscured by a black silhouette of a person in mid-air, performing a backflip. Below the yellow circle, a black silhouette of a city skyline is visible. The title 'ПРЫЖОК В АД' is written in large, bold, orange-red Cyrillic letters, arching over the central scene.

ПРЫЖОК В АД

Павел Рогозин

Павел Рогозин
ПРЫЖОК В АД

*«Я собрал здесь только букет
чужеземных цветов:
мне принадлежит одна лишь
связующая их нить...»*

М. Монтень

Павел Рогозин

ПРЫЖОК В АД

Павел Рогозин

Прыжок в ад

Издание второе, исправленное

Text copyright © 1956 P. Rogosin

This edition copyright © 1998 „Licht im Osten“

© Издательство „Свет на Востоке“

ОТ АВТОРА

Вопрос о самовольном лишении себя жизни является тягостным и трудноразрешимым во все времена.

Ему посвящено множество исследований и книг. И вряд ли надо было бы выпускать в свет этот труд, не будь у автора уверенности в том, что до сих пор в русской литературе не было исследования о самоубийстве, которое предложило бы «кандидату-самоубийце» не людские доводы против лишения себя жизни, а Божий путь избавления, приняв который, человек духовно прозревает и убеждается, что самоубийство — дело безумное, преступное и что есть выход разумный. Только этим автор и оправдывает появление настоящей книги.

Литература, медицина, психология, история, статистика, законоведение и даже религия внесли свой ценный вклад в сокровищницу материалов по изучению причины самоубийства, но ждать от этих отраслей человеческого знания «последнего спасительного слова» было бы непростительной ошибкой.

Материализм в науке и модернизм в религии с их отрицанием богодухновенности Священного Писания и бессмертия души скорее порождают самоубийц, чем удерживают несчастных от столь бесславного конца их земной жизни.

Человек является сложным производным духа, души и тела. Тело — одежда души, душа — обитель духа, дух — обитель души. Эти три ипостаси единой человеческой сущности мы постоянно различаем и в самих себе и в окружающих нас людях. И если мы решительно веряем изучение человеческого тела анатомии, физиологии и другим отраслям знания, а исследование души — психологии, философии, этике и религии, то почему не признать, что нашими познаниями о духе человеческом мы обязаны только Божественному откровению — Библии? Вопрос самовольного

ухода человека из жизни отнюдь не является вопросом, относящимся к области законоведения, философии или религии, он принадлежит к области духа и является вопросом духовным, тесно связанным со всеми другими проблемами духовной жизни.

Мы свободно и легко подходим к изучению человеческого тела и успешно исследуем его бытие посредством наших знаний и опыта. Но, приступая к познанию человеческого духа, мы должны прежде всего смиренно признать истину, которую можно выразить словами:

Мы никогда других не понимаем

И ничего не знаем о себе...

Вне Божественного откровения нет света. О духе человеческом мы знаем столько, сколько нам открыл это Бог. Только Слово Божие является полным, непреложным свидетельством свойств, способностей и проявлений человеческого духа. «Ибо кто из человеков знает, что в человеке? <...> Слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помысления и намерения сердечные... все обнажено и открыто пред очами Его...» (1 Кор. 2:11; Евр. 4:12,13).

Автор настоящего труда рассматривает самоубийство как результат болезненного состояния человеческого духа и поэтому в исследованиях своих касается не только причин недуга, но указывает также и на возможность верного от него избавления.

Автор обращается ко всем обездоленным, униженным, оскорбленным, разочарованным, к тем, кого согнула и сокрушила яростная нужда, изнурили непосильный труд, беспросветные заботы, бесконечные испытания и суровая, неустанная борьба со всеми признаками жестокой человеческой жизни. Поэтому автор отнюдь не рассчитывает на всеобщее внимание к своей книге и не преследует этим трудом каких-либо корыстных целей.

Автор использовал в этом труде плоды многолетних исследований и размышлений и будет счастлив, если все то, что поддерживало и утешало его в собственной жизни, поможет хотя бы одной разочарованной, измученной душе: поднимет ее опустившиеся крылья и поможет ей высоко воспарить над «топью уныния», над «бездной отчаянья», над «вырытой заступом ямой глубокою»...

«Разве ты не знаешь? Разве ты не слышал, что вечный Господь Бог, сотворивший концы земли, не утомляется и не изнемогает? Разум Его неисследим. Он дает утомленному силу, и изнемогшему дарует крепость. Утомляются и юноши и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся» (Ис. 40:28-31).

Да поможет Господь Бог читателю, изнемогшему и утратившему веру в себя и людей, прийти к жизни «надеющихся на Господа».

Глава I

ПОВОДЫ К САМОУНИЧТОЖЕНИЮ

«Окаянный мир сей, — вопиял древний русский аскет, — как море, неверен, мятежен, гнусной пакостью нечистых духов, как ветрами, волнуется губительно, горек лжами, трясется и пенится наветами диавольскими, веянием грехов свирепствует и смущается, тщится погубить миролюбцев, всюду пагубы своя простирает...»

Вот по каким «свирепым морским волнам, пенящимся срамотами своими» (Иуд. 1:13), приходится плыть «миролюбцу» к желанным берегам богатства, славы и наслаждения. Мудрено ли утонуть? И люди тонут... Тонут в условиях безвыходных обстоятельств и житейских катастроф, тонут вблизи и вдали от берега... Тонут на различной глубине, но все в том же море, в той же страшной пучине мировой скорби, в водовороте страстей, в омуте самозабвения и самопрезрения. Тонут, захлебнувшись бесплодностью, бесцельностью, бессмысленностью и безнадежностью той жизни, какую они живут.

Но жизнь сама по себе прекрасна и, конечно, является величайшим благом на земле. С этим не могут не согласиться даже закоренелые пессимисты. Кроме того, лишить себя самовольно жизни в сущности не так легко. Заложено в каждом человеке отвращение к смерти настолько сильно, что без серьезных на то причин ни один смертный не лишил бы себя жизни, хотя иногда мы склонны думать, что человек покончил с жизнью «из-за пустяков». Так обычно и думают, когда, не зная истинных поводов к самоубийству, судят по полицейским протоколам или приговорам толпы. В действительности же серьезный и часто роковой кризис в человеческой жизни является следствием потрясений всех таинственных глубин духовного бытия человека, скрытых от глаз людских.

Да и кто решится признать поводом к совершению само-

убийства материальные лишения, физические или душевные страдания человека, когда множество людей живут без жизненно необходимых удобств, страдают от нужды и болезней, терпят лишения, но все-таки живут и не торопятся умирать. Миллионы людей с подорванным здоровьем, с поруганной честью, с оскорбленной гордостью, с обманутыми надеждами, разбитым сердцем, находящихся в тюрьмах, больницах, живущих в подвалах, содрогаются при мысли о приближающемся завершении их земного бытия. Их душевное состояние удачно выражено поэтом:

*Мочи нет, устал я
С этим горем биться,
А на свет посмотришь,
Жалко с ним проститься...*

Каковы же главные причины самоубийства?

Причин много. Без преувеличения можно сказать, что их столько же, сколько самоубийц на свете. Попытаемся же рассмотреть те из них, которые можно отнести к разряду наиболее характерных.

Самоубийство, вызванное пропагандой ложных идей

«Я захочу, и затушу в себе огонь, я захочу, и возвращу билет на земное представление, на которое я не хлопотал», — сказал Ф. М. Достоевский устами героя одного из своих произведений.

Какая жуткая фраза! Какое искажение человеческой природы проповедует она, какое безумие оправдывает. Как легкомысленна эта фраза, и сколько заключено в ней умственного и нравственного отупения. Чего только не увидишь в этой фразе, если углубишься в ее роковой смысл. Тут и пагубность человеческого самоутверждения, отвергающего всякую зависимость, всякий контроль, даже контроль Божий; тут и разнузданный человеческий произвол,

не признающий иного закона, кроме собственного своеволия, выраженного словами: «я захочу»; тут и превратный, узкий взгляд на жизнь как на «земное представление», как на забаву, предложенную Создателем пресытившемуся человеку; тут, наконец, самая дерзкая, яростная вражда, бунт человека против Бога, возмущение Его установлениями, сарказм, неприкрытое кощунство, сопровождаемое чуть ли не сатанинским смехом.

Между тем, фраза эта преподносится людям как нечто совершенно исключительное по своему глубокомыслию, как новейшая идея эгоцентризма, культа поклонения самому себе, исповедуя который, человек якобы возвышается, освобождается от всех так называемых человеческих условностей. Вот они, ложные идеи!

У Достоевского люди, в сущности, делятся не на добрых и злых, а на обыкновенных и необыкновенных. Обыкновенные люди повинуются установленным моральным законам, необыкновенные — сами себе закон. У Достоевского в борьбе со злом совесть противится злу. Но эти «необыкновенные люди», герои Достоевского, вместо того чтобы подчинить себя совести, пытаются подчинить совесть своим греховным, низким страстям, покорить совесть себе, считая себя вправе быть «по ту сторону добра и зла», презирать нравственные законы. В результате — моральное извращение, бездна отчаяния, единственное спасение из которой Достоевский находит в Евангелии. К сожалению, влияние этих отрицательных литературных типов на доверчивого читателя так велико, что последний не замечает уже этого светлого выхода. «Рассматривая личность Достоевского как человека, — говорит Д. С. Мережковский, — мы должны принять в расчет неодолимую потребность его, как художника, исследовать самые опасные и преступные бездны человеческого сердца, преимущественно бездны сладострастия во всех его проявлениях». Достоевский не мог всего этого узнать только из наблюдений над другими людьми. Преступления, самоубийства, «смердяковщина», всевозможные душевные и половые

извращения составляют тему его романов, и если исходить из правила, что творчество писателя есть отражение его внутренней жизни, то вряд ли Достоевский является исключением из этого правила... В этом смысле у нас, в России, нет писателя более опасного, более «заразительного», чем Достоевский. Вот они — вредные идеи у русских классиков.

Влияние книги на читателя, будь она полезная или определенно вредная, не подлежит никакому сомнению. Бенджамин Франклин прочел в молодости безбожную книгу, и одна эта книга поколебала и обесценила его религиозные убеждения на многие годы. Только в зрелом возрасте он осознал и решительно отверг свои опасные заблуждения. Франклин пришел к сознательной вере во Христа и стал горячим защитником христианства.

По некоторым источникам, Александр Македонский начал свои походы с целью завоевания мира после кропотливого изучения «Илиады» Гомера.

Известный английский поэт Уильям Купер, который уже в юности был склонен к одиночеству и меланхолии, прочел книжку, оправдывавшую самоубийство и на свой лад восхвалявшую этот «смелый» шаг. Чтение столь мрачного произведения не прошло бесследно для поэта: он четыре раза пытался покончить жизнь самоубийством.

У студента были выдающиеся способности, и следовало ожидать, что он сделает блестящую карьеру. Науки давались ему легко. Времени для чтения оставалось сколько угодно. Вначале его интересовали авантюрные романы, и он сам не прочь был побродить по свету в поисках приключений. Позже студент увлекся легкими французскими романами, и, не довольствуясь часами досуга, он просиживал над ними целые ночи и даже читал их во время лекций. Его успехи в учебе, столь блестящие вначале, становились все хуже и хуже. Дурные пороки, овладев им, постепенно разрушали его здоровье. Однажды вечером, после неприятного разговора с отцом, он застрелился. Подобные примеры встречаются нередко. Вот они, пагубные идеи!

Мировая литература вообще, и русская в частности, богата произведениями, в которых описаны бессмысленность жизни, бесплодность страданий, безвыходность положения, безутешность горя, бездонность отчаяния, безнадежность всякой, даже разумной, борьбы, бесполезность жертвы, безрассудность веры, бессердечность судьбы, безрезультатность молитвы, безучастность Бога, бесчеловечность людей и т. д. Конечно, не следует бояться книг, но надо уметь найти полезную книгу в океане вредных, бесполезных, ненужных. «Книг много, а жизнь коротка, поэтому читайте только лучшие книги», — советовал Лев Толстой.

Опасна грязная, лжеидейная и кощунственная литература, но еще опаснее такой же кинематограф и телевидение. Вопрос о влиянии современного кинематографа на преступность был тщательно изучен соответствующими учреждениями. Исследования потрясают своими результатами: кинематограф — рассадник не только пороков, но и жутких идей о так называемой законности самоубийства.

Нельзя отрицать того, что кинематограф способствует научным и общеобразовательным целям, что совместно с радио и телевидением уже завоевал свое место в учебных заведениях, в научных экспедициях, в миссионерских путешествиях. Но это полезное применение — лишь исключение из общего правила. Современный же кинематограф, как показывает практика, находится на службе у людей, мало заботящихся о других целях, кроме собственной, и притом самой бессовестной, наживы. Обычные картины кинематографа пошлы и пропагандируют насилие и кровавые преступления. Многие картины примитивны. Созерцание такой «продукции» искажает жизнь в глазах всего молодого поколения, проповедует ложные идеалы и накладывает смертоносную печать на сердца, волю и ум нашей молодежи.

Принимая во внимание вышеуказанные средства разложения человеческой души и угнетения духа, проповедуемые не только литературой, театром, кинематографом, прес-

сой и частными беседами, приходится удивляться не тому или иному случаю самоубийства, а, наоборот, тому, что самоубийство не стало еще явлением бытовым, окруженным ореолом мученичества или героизма.

В древней языческой Швеции старики бросались с высоких скал в море, так как были убеждены, что в их годы такая смерть похвальнее естественной. В Японии с древнейших времен смотрят на самоубийство как на акт величайшей храбрости, благородства и мудрости. Господствующая религия Индии почти одобряет самоубийство: лишить себя жизни издавна считается делом вполне естественным и обычным. В Китае на самоубийство смотрят просто — сам Будда подал пример жителям небесной империи, лишив себя жизни во времена голода, чтобы голодные могли питаться его телом.

Как легко человеку, соблазнившемуся проповедью подобных идей, потерять цель своего земного назначения, заглушить в себе всякое осознание смысла жизни, стать на скользкий путь отрицания, проникнуться мыслью о бессмысленности и суетности всего окружающего и покончить с жизнью, «загасить в себе огонь», «возвратить билет на земное представление», покончить с плотью, забыв, что существует другая реальность, в которой мы не можем сомневаться, так как мы ею владеем, мы ее чувствуем, мы ее видим каждую минуту. Этой реальностью является наша душа.

Читатель, не всякой идее верь! Среди окружающих нас людей есть такие, которые опустошают нашу душу, и мы становимся бессильными любить, бессильными желать, бессильными бороться. Избегай таких людей, читатель! «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни» (Притч. 4:23). Храни душу твою от ложных идей! Пусть идеи эти успели уже получить широкое распространение, но это отнюдь не довод, что они истинны. Не создавай себе из ложных идей кумиров и не поклоняйся им. Но если они уже проникли в твое сердце и владеют тобою, то свергни их, скажи об этом в молитве Богу,

объяви себе самому и людям, что ты перестал быть сторонником ложных идей. «Твоя доблесть, — обращается к самому себе Заратустра, — не в том, чтобы ниспровергать кумиры, а в том, чтобы ты ниспроверг их поклонника в себе!» Пусть доблесть Заратустры будет твоей доблестью. Будь уверен, что всякая идея, не покоящаяся на основе Священного Писания, не преследующая прославления Бога, не признающая бессмертия и не стремящаяся к духовному возрождению человека, — ложная идея, какой бы она тебе глубокой ни казалась, каким бы авторитетом громких имен она ни поддерживалась и каким бы волшебством самых блестящих талантов она ни расцветивалась. «Есть пути, которые кажутся человеку прямыми; но конец их — путь к смерти» (Притч. 14:12), к самоубийству, к вечной гибели.

Самоубийство как следствие неправильного воспитания

Люди, усвоившие основные принципы психологии, единодушно порицают современные методы воспитания детей и страшный рост самоубийств в мире ставят в прямую зависимость от воспитания. Люди не рождаются самоубийцами, они ими становятся. Роковое решение в их душе возникает бессознательно и постепенно. В сокровенной глубине души человека лежат усвоенные еще в детстве симпатии и антипатии; в туманной дали воспоминаний таятся поразившие ребенка ужасом или отвращением картины, уязвившие его сердце слова или взгляды. Там, в детстве, в трудно припоминаемом прошлом, были посеяны первые зерна горького житейского опыта, больно поразившие нежную, незащищенную детскую душу и крепко в ней засевшие на всю жизнь. Тяжело, а иной раз невозможно искоренить из человеческого сознания всех глубоко скрытых «вредителей» нашего характера и «искажителей» нашего отношения ко всему окружающему нас. Страницы детства и отрочества бывают настолько грустными, а иногда — постыдными, что эту гус-

тую черноту не смыть никакими слезами самооплакивания. Все эти воспоминания угнетают дух, притупляют восприимчивость, наводят человека на мрачные размышления. Стыд перед самим собою и горечь тяжелого детства — самые мучительные чувства, доставляющие нам много страданий.

Счастливое детство может предотвратить саму мысль о самовольной смерти. Очень важно также расширить кругозор юных душ, обычно ограниченный узким семейным кругом, развить в них любовь к ближнему, а не к родственникам только, как это часто бывает. Тот, кто сумеет развить в себе истинную любовь к каждому человеку, к каждому земному существу, всегда найдет себе дело и место в Божьем мире.

Нельзя воспитывать детей эгоистичными. Надо готовить детей к жизни. Наше родительское влияние хорошо только тогда, когда оно вдохновляется другой силой, стоящей выше нас, то есть Самим Богом.

Чрезмерный личный авторитет родителей и произвол детей — вот те крайности, которых необходимо остерегаться и с Божьей помощью избегать. Родители должны защищать душу ребенка от пагубного влияния чужой воли и разрушительного действия собственного «я», в результате чего из малых «детей-кукол» вырастают «взрослые-автоматы», а из «детей-деспотов» — взрослые-самоубийцы.

«К чему вы готовите вашего сына?» — спросили однажды у профессора Пирогова. «Быть человеком, — ответил знаменитый хирург. — Разве вы не знаете, — добавил он, — что настоящих людей, собственно, нет на свете... есть купцы, солдаты, врачи, юристы, а не люди...»

В большинстве случаев, люди учатся не ради знаний, а ради выгод, связанных с этими знаниями, пренебрегая подлинной наукой жизни человеческой, наукой понимать людей, их нужды и обстоятельства, быть, прежде всего, самому человеком. Пирогов не пренебрег в своей личной жизни этой наукой и смотрел на нее как на одну из главных наук. Не в овладении ли этой наукой воспитания кроется

секрет жизненного успеха многих великих людей? Не в этом ли залог нашего подлинного величия?

*При мысли великой, что я человек,
Всегда возвышаюсь душою.*

Существует два рода людей: одним всюду хорошо, они всегда и всем довольны, другие же всюду чувствуют себя плохо, ни с кем не могут ужиться, никогда и нигде не бывают счастливы, вечно огорчены, не удовлетворены, разочарованы. У кого желчь во рту, тому все горько. И горечи этой от людей не скроешь. Наше тело, эта эфемерная оболочка души, нередко отражает наши душевные свойства. Лица являются как бы жилищами души, причем каждому такому жилищу присуща своя нравственная атмосфера. Через глаза, точно сквозь окна, видно, что внутри жилища — сыро, холодно и грязно или светло, сухо, тепло и уютно, царит ли внутри дух жизнерадостности или удрученности. Бодрость духа можно сравнить с «ясной погодой» души. Бодрость дает нашему организму возможность обновлять и подкреплять свои силы, тогда как неудовольствие и тоска подтачивают организм. «Веселое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сушит кости» (Притч. 17:22).

Постоянное уныние расслабляет волю, деморализует характер. Судьба человека почти всегда связана с его характером. В одной из повестей Гофмана глаза героя Перигри-нуса Тисса обнаружили свойства сильного микроскопа. Красота, благородство, добродетель, любовь, дружба — все прекрасное и великое как бы испарилось для него из нашего мира. Каждый мужчина представлялся ему подлым трусом или коварным интриганом, каждая женщина — кокеткой, все люди — лжецами и эгоистами, мелочными и низкими. Что доброе и возвышенное может подарить людям человек, обладающий такими «способностями»? И можно ли поверить, что когда-нибудь такой человек подметит и светлые качества чужой души, если его душу еще в детстве захватили вздор и пошлость? У такого человека осторожный всегда

будет трусом, бережливый — скупцом, щедрый — расточителем, прямой и откровенный — грубым... «У горького Егорки все песенки горьки», — говорит народная мудрость.

Не знающий предела цинизм душевно искалеченных людей неразрывно связан с другой отрицательной чертой их характера — робостью и застенчивостью, привитыми еще в детстве.

В нашем обществе к недоверчивости, осторожности, замкнутости и нелюдимости редко подходят как к явной беде, требующей помощи, участия, снисхождения и сожаления; чаще всего их встречают смехом или даже издевательством. Но можно ли смеяться над больным человеком? Застенчивость в зрелом возрасте — один из самых мучительных недугов. Корни ее таятся где-то в далеком детстве. Когда-то, по вине старших, ребенок вместо одобрения и похвалы, вместо любви и родительской нежности был ввергнут в атмосферу ненависти и раздражения. Этого было достаточно, чтобы обиженный сделал роковой вывод: в своей семье он — нежелательный, ненужный человек, все его слова и поступки неправильны, незначительны и вызывают только придирки, колкости и насмешки.

Родители и старшие не представляли, что происходило тогда в душе маленького страдальца. Деспотизм старших не только причинял ребенку страдания, но и вызывал в нем чувство унижения, стыда, озлобленности, лишал его возможности поделиться своими переживаниями. Невнимание воспитателей заставило ребенка заглушить и убить в себе лучшие душевные качества.

Когда маленький человек изо дня в день подвергается подобной попытке людского невнимания, в нем развивается апатия, усталость, неврастения. Жизнь человека, искалеченного подобным воспитанием, можно сравнить с мчащимся автомобилем, у которого отказали тормоза. После многолетней душевной напряженности человек теряет желание к чему-либо стремиться. После «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» он теряет самоуважение,

веру в самого себя, отдается низким чувствам, нездоровому воображению, порабощается пьянством, наркотиками и т. п. Позже он ужасается бесполезности такой жизни, приходит в отчаяние, в результате способен на все.

Наряду с деспотизмом родителей, родственников и воспитателей, калечащих детей, убивающих в них живую душу, мы наблюдаем и другие, не менее вредные методы воспитания, способные сослужить свою опасную службу и натолкнуть даже возмужавшего человека на мысль о самоубийстве. Ребенку, например, внушают, что он чуть ли не центр вселенной. Духовно обделенные родители пытаются связать с судьбой ребенка исполнение тех своих чаяний, которым не суждено было осуществиться в их собственной жизни. Таким образом честолюбие ребенка постепенно подготавливается и поощряется всеми способами. Ребенок живет грезами, мечтами и чаяниями родителей. Но воздушные замки недолговечны; они рушатся, а с ними исчезает и внушенная родителями вера в его исключительную духовную одаренность и гениальность. Еще в колыбели ребенок своим криком заставляет мать рабски служить ему. Мать старается ни в чем ему не отказывать. Ребенок укрепляется в сознании, что всего можно добиться, надо только иметь «цепкие когти, да черствое сердце». И вот, вступая в жизнь, такой ребенок и от жизни ожидает той же податливости, быстрых успехов и постоянных удач. Ради достижения этого он забывает о совести и жалости к людям. Однако жизнь не всегда бывает матерью, дарующей то, что ребенок захочет. Иногда жизнь, как мачеха, бессердечно отказывает нам, говоря: это невозможно! Иногда она, прежде чем вручить что-либо из просимого, заставляет долго ждать, упорно бороться, тяжело работать, от многого отказаться и многим жертвовать.

Человеку, привыкшему в детстве легко все получать, подобная жизнь смирения, покорности, терпения и неустанной борьбы представляется невыносимой. Он не принимает такую жизнь, которая не желает давать ему всего по

первому капризу и требованию. Жизнь для него — не жизнь, если в ней не исполняются все его безграничные желания. Он бежит от общества, которое отказывается признать его «достоинства и заслуги», существующие только в его больном воображении, порывает с миром, который не считается с его самомнением, с его ни на чем не основанными претензиями. Он не может жить среди тех, кто не считается с его эгоизмом и невежеством, — этими единственными его качествами, которые до сих пор управляли его жизнью. Так, незаметно, человек заходит в тупик, к которому он шел всю свою жизнь. Он жил и не знал о гнилых основах своего воспитания. Оправдываются слова народной мудрости: «Оттого парень с лошади свалился, что мать криво посадила». А иной раз даже и не успела посадить, ребенок вырос без родных, и те, кто занимался его судьбой, не смогли заменить незаменимого. О, сколько таких «криво посаженных» встречаем мы в жизни: людей ленивых, живущих пустыми грезами, людей, зарывших свой талант в землю, людей, порабощенных низкими побуждениями и страстями, людей, боящихся честного труда, определенных обязанностей, ответственности, риска, людей, которым чужда реальная жизнь, людей, у которых отсутствует жизнерадостность, отвага, бодрость духа, сосредоточенность, такт, энтузиазм, предприимчивость, здравое суждение, самодисциплина, общительность, привлекательность души, отсутствует хотя бы самая элементарная культура, скромность, доброта, любезность, вежливость, приветливость, учтивость, внимательность, простота, искренность, чистосердечность. Воспитание таких людей как бы умышленно сводилось только к тому, чтобы притупить и заглушить в них все лучшие, светлые качества души, а вместо них привить, взрастить отрицательные черты характера: мрачность, робость, бестолковость, застенчивость, невнимательность, бестактность, праздность, рассеянность, неповоротливость, не предприимчивость, нерешительность, беспечность, косность, вялость, неуклюжесть, тщеславие, чванство, невежество, высокоме-

рие, эгоизм, упрямство, разочарованность, суеверие, цинизм, бесстыдство, замкнутость, бездушность, бесплодность мыслей, желаний и поступков, беспутность. Таково страшное наследие их воспитания. Очень часто молодые люди вступают в жизнь со всеми этими отрицательными чертами. Выросшие без семьи, без ласки, они несут окружающим то, что сами получили.

Но такой багаж воспитания не является уделом только тех, кто вырос без семьи. «С грустью надо сознаться, — говорит А. Ф. Кони, — что есть случаи, когда главная опасность для ребенка не только в отсутствии семьи, но и в ее наличии. Это не всегда семья дурная, часто это лишь семья несчастная. Брань пьяного отца, вопли побитой матери, вечное взаимное раздражение, ожесточенные проклятия глубоко западают в восприимчивый и боязливо, но упорно наблюдательный ум ребенка. Без Бога, без наивной детской фантазии, без светлых душевных радостей растет подгоняемый пинками и колотушками маленький зверек. Самое «окаменелое годами» сердце не может не сжаться от справедливого гнева и бесконечной жалости при созерцании чудовишной противоположности: злости и утонченной жестокости — с одной стороны, и полной беспомощности, захватывающего детскую душу отчаяния, заглушенных воплей и горячих слез — с другой...»

Мудрено ли, что жизнь, в основу которой положены извращенность и дисгармония, складывается у таких людей самым несчастным образом?! Мудрено ли, что в их душе пробуждается болезненная тяга к самоубийству?! Но такое стремление, конечно, безрассудно и зиждется на незнании всех возможностей человеческой природы, на отрицании силы Божией, которая, в ответ на искреннее покаяние человека, может освободить его от этой ужасной растленности духа и возродить к новой жизни.

Вся темнота, чернота человеческого характера, о которой сейчас было сказано, питается страшной отравой нашей испорченной человеческой природы. Эгоизм, чван-

ство, бесстыдство, праздность, беспутство и множество других нарывов и гнойников в нашей душе — грехи, в которых мы сами повинны и должны раскаяться пред Богом, раз и навсегда оставив их. К сожалению, многие люди так глубоко пали, что уже не верят ни в Бога, ни в Его исцеляющую силу. Они забывают, что вера ниспосылается нам Богом в ответ на наше раскаяние в смертном грехе неверия. Вера в Бога настолько близка нашему разуму, сердцу и душе, что не требует никаких доказательств. «Вопросы веры, — писал Пушкин Хомякову, — превосходят разум, но не противоречат ему».

Жизнь в Боге, начатая правильно, открывает большие возможности даже перед человеком, лишенным правильного воспитания. Как бы негативна ни была наша наследственность, каким бы пагубным ни оказалось наше воспитание в детстве, Бог дает нам возможность начать новую жизнь во Христе, освободиться от всего ложного, извращенного, наносного, гнетущего и обогатиться Его духовными дарами, возрождающими нас, освящающими, облагораживающими и возвышающими. Говорят, что среда воспитывает личность: какова среда, такова и личность. А Бог не только обновляет сердце кающегося, но и меняет его среду: извлекает из порочной среды и вводит нас в общение с новыми чистыми людьми — с членами Его вселенской Церкви. Бог не только перевоспитывает кающегося грешника, Он в корне исцеляет его порочную сущность, неприспособленную к нормальной и плодотворной жизни. Бог ведет самого безнадежного человека к истине, свободе, успеху и счастью. Бог ниспосылает нам

*Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный.*

Если мы вручаем всю нашу дальнейшую жизнь в руки Божьи, Бог подчиняет нас новым, неизвестным нам духовным законам. Он научает нас побеждать грех, слабость, немощь. Бог ниспосылает нам духовную силу для преодо-

ления всех жизненных трудностей, испытаний, страданий и в этом преодолении научает нас извлекать «великое из ничтожного».

Если бы только люди знали, какие безграничные ресурсы припасены для них Богом и какие неисчерпаемые силы таятся в них самих! Если бы люди знали все это, им были бы не страшны любые испытания. Разве Шиллер создал свои трагедии не в жуткий период физических страданий? Бессмертные творения Генделя были написаны им, когда его сразил паралич и великий композитор задумался о приближающейся смерти. Бетховен был почти глух, терпел крайнюю нужду и все же подарил миру свои бессмертные творения. Поэма «Потерянный и возвращенный рай» написана Мильтоном в то время, когда он уже ослеп и был одиноким больным стариком.

Таковы факты, и мы должны признать, что от нашего отношения к Богу и Его планам относительно нас, от нашей покорности Его воле зависит, какое место мы займем в жизни и что собой будем представлять. Воспитание в истинном христианском духе может и должно обогатить детей именно правильным отношением к их Небесному Отцу. Велика польза воспитания, если оно подготавливает ребенка не только к борьбе с трудностями жизни, но и к повиновению Богу, терпеливому ожиданию, медленному, но упорному достижению Божьих целей. Общеизвестный факт, что такое воспитание оказывает благотворное влияние на всю дальнейшую жизнь человека.

Всех богаче, кто терпеть

Приучился с детства:

В жизни сей нельзя иметь

Лучшего наследства.

Велика духовная ценность человека терпеливого, человека, никогда и ни при каких обстоятельствах не отчаивающегося; велики возможности того, кто мужественно идет навстречу бурям житейским, всегда закаляющим, переплав-

ляющим и облагораживающим человеческий характер. Прав был Гете, сказав:

*Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!*

Люди, воспитанные в таком духе, никогда не уходят самовольно из жизни.

Самоубийство как результат неправильного взгляда на жизнь

С каким чувством собственного достоинства, а иногда и гордости многие люди произносят эту избитую фразу: «У меня свои взгляды на жизнь...» О, сколько таких «своих» взглядов, коверкающих, извращающих и даже губящих человеческую жизнь!

Одним из таких взглядов является весьма распространенное мнение, что земная жизнь должна быть безмятежной, свободной от «печалей и вздыханий». Люди, уверовавшие в возможность такой жизни, не могут смириться с затруднениями, препятствиями и разочарованиями, встречающимися на их жизненном пути. Они готовы жить только при условии, если все обстоятельства жизни сложатся для них благоприятно, если размеренному ходу их повседневности ничто не будет препятствовать, если их освободят от малейшей ответственности, обязанностей, испытаний, естественной борьбы, если им не будут сопутствовать неудачи и поражения, если рядом с ними будет некто, кто возложит на себя и понесет это бремя: будь то отец, мать, брат или друг.

Стоит ли доказывать опасность такой «жизненной избалованности» или извращенности? Такой взгляд на жизнь — взгляд ложный: безмятежной жизни нет и быть не может. Но если бы мы и могли достигнуть такого безмятежного житейского благополучия здесь, на земле, у нас не было бы

основания радоваться этому достижению. Сложно учесть, сколь многим мы обязаны именно этим житейским затруднениям, встречающимся на нашем жизненном пути. Если бы учеба в школе не была сопряжена с известными трудностями, наши интеллектуальные способности не развивались бы. Если бы мы не занимались физическим трудом или спортом, наше тело лишилось бы бодрости и силы. Без осознания чувства долга, ответственности перед Богом и нашими ближними мы оказались бы беспомощнее любого ребенка. Мы вынуждены ежедневно, ежечасно рассуждать о том, что правильно и что неправильно, что — добро и что — зло. Без такого душевного напряжения мы никогда не преодолели бы состояния глубокой пассивности нашей души, никогда не достигли бы душевной стойкости и внутренней дисциплины. Всякий жизненный и духовный рост достигается путем упражнений, усилий и борьбы. Жизнь «без печали и вздыханий» расслабляет человека, делает его бесполезным для самого себя и для других людей. Напротив, жизненные потрясения, всякого рода неудачи, духовный подвиг и борьба со злом, стремление жить по воле Божьей способствуют развитию и расцвету нашей личности. Ограничиться собственной «безмятежностью», удовлетвориться благополучием своей личной жизни, когда вокруг бушует ураган мирового зла и царит смерть, — не что иное, как духовный паралич. Недостойно человека преследовать только свои личные интересы, когда весь мир страдает от нужды и мечется в поисках самой элементарной справедливости.

Как важно для человека развить в себе умение извлекать духовную пользу из уроков, которые преподносят ему беды и несчастья. Гете, по его собственным признаниям, из всех своих несчастий извлек множество тем для своих произведений. Другие тоже смотрели на собственные беды как на верный путь к успеху в жизни. «Важно не то, что жизнь преподносит человеку, а то, как человек воспринимает то, что ему преподносит жизнь», — сказал Шопенгауэр.

Разумно воспринимать то, что дарит нам жизнь, может только тот человек, который вручил свою жизнь Богу и убедился, что в мире нет ничего случайного, что Бог всем управляет и что людям, любящим Бога, «все содействует ко благу».

Очень распространенным, но неправильным взглядом на жизнь является преклонение перед материальной обеспеченностью, которая якобы необходима для счастливой жизни. Приверженцами такого взгляда являются люди, которые, как правило, кончают жизнь самоубийством «из страха перед неизвестным будущим». Вступая в жизнь, эти люди уверовали в «кошелек» своих родителей, в кошелек с неразменным долларом или рублем. Единственной их заботой в юности было избегать всякого труда, и они позорно уклонялись от него до тех пор, пока не стали совершенно неспособными к труду. Они возложили все свое упование на этот зловердный «кошелек», на «кого-то» или «на что-то» и жили спокойно вплоть до потери этого самого «кошелька», до утраты своей призрачной материальной обеспеченности. Большинство людей теряют веру в себя одновременно с разрушением того, на что они опирались, что служило источником их благополучия. И эти несчастные, чтобы оправдаться перед близкими и знакомыми в своем самовольном уходе из жизни, обычно говорят об «ужасных материальных условиях», о «безвыходном финансовом положении»...

Но так ли это? Можно ли взваливать вину на материальные невзгоды, если в большинстве случаев кончают самоубийством люди, материально обеспеченные, но внезапно оказавшиеся жертвами денежного кризиса? Не правильнее ли объяснить столь печальный конец их жизненного пути распущенностью и изнеженностью? Не они ли жили до известного времени на чьи-то средства, а оказавшись без денег, отказались от малейшей попытки прокормить себя собственным трудом? Всю жизнь они сознательно избегали труда, который в их извращенном представлении рисовал-

ся ужаснейшей пыткой. Они пожинали то, что сеяли. «Бог так создал человека, — говорит Джон Раскин, — чтобы он находил наслаждение от упражнения своих глаз, своего ума, своего тела. А человек в безумии своем пытается жить, ничего не видя, ни о чем не думая и ничего не делая, и таким образом становится не только животным, но и самым несчастным из всех животных».

Можно ли говорить о деньгах, сыгравших роковую роль в жизни самоубийц, когда последние бедняки, как мы знаем, умирая от голода, непосильного труда и ужасных антисанитарных условий, никогда не уходят из жизни самовольно, с озлоблением, с презрением к самим себе и с ненавистью ко всему живущему? Можно ли вообще называть бедняком того, кто не боится бедности? «Не тот богат, кто много имеет, а тот, кто во многом может себе отказывать». «Великое приобретение — быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (1 Тим. 6:6-8). Корень зла не в вещах, а в душе человека. Если бедность оказывается для нас тягостью, то таким же бременем окажется и богатство.

Люди, так жестоко и дико обрывающие свою жизнь, зачастую не знакомы с неписаными законами жизни. Как бы худо ни пришлось человеку в этой жизни, ему не следует забывать, что здесь, на земле, нет ничего устойчивого, неизменного и вечного. Самая печальная жизненная ситуация может стать радостной и счастливой — надо только иметь немного стойкости, внутренней выдержки и терпения. Великий азиатский вождь Тамерлан, преследуемый однажды врагами, спрятался в развалинах дома. Там он заметил муравья, который пытался поднять на высокую стену тяжелое для него пшеничное зерно. Шестьдесят девять раз свалился муравей с зерном обратно вниз, но в семидесятый раз ему удалось поднять зерно наверх. «Я был близок к отчаянию, — рассказывал потом Тамерлан, — но это насекомое вернуло мне надежду и дало урок терпения,

труда и выносливости». Пока мы живы, безвыходного положения не бывает, какой-нибудь выход всегда найдется. Поэтому меньше всех ошибается тот, кто больше всех надеется. Самая наивная надежда ближе к истине, чем самое разумное отчаяние. Нельзя принимать поспешно неподправимые решения. «Не мудрено срубить голову, — говорит пословица, — мудрено приставить ее».

Может случиться, что выход окажется не там, где мы его искали. Избавление может прийти в неожиданный день, в неожиданный час и тогда именно, когда прошли все «наши» сроки ожидания. Будем уверены, что оно непременно придет, и обо всем пережитом мы вспомним, как о давно минувшем сне, может быть, даже с улыбкой. «Что пройдет, то будет мило», — сказал поэт.

Известный шахматист в одной из картинных галерей обратил внимание на картину, носившую название: «Мат», т. е. «Нет хода». На картине были изображены два игрока-шахматиста, упорно вглядывающиеся в шахматную доску, на которой виднелись шахматные фигуры. Один из игроков, по замыслу художника, находился в безвыходном положении. «Неправда, есть выход!» — воскликнул шахматист. Мы часто попадаем в безвыходные положения, из которых нет выхода. На самом деле выход всегда есть! Будем помнить, что, обратившись ко Христу, мы всегда можем быть уверены в Его помощи. «Призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня», — читаем в одном из псалмов Асафа. Если мы верим в Божественное провидение и покоряемся ему, мы можем быть совершенно спокойны, ибо там, где наши человеческие возможности заканчиваются, Его только начинаются. К сожалению, эта простая истина часто сокрыта от глаз самоубийцы, и, когда Бог предлагает «путь, истину и жизнь», а дьявол — петлю, безумец принимает предложение дьявола.

Взгляд на жизнь как на ряд непрерывных наслаждений и удовольствий также часто оказывается побудительной причиной, толкающей человека к самоубийству. Во време-

на Августа и Тиберия жил в Риме богач Марк Габий Аппий. Все его желания и мысли были направлены только на то, чтобы вкуснее поест и веселее пожить. Его имя сохранилось в истории как курьез. Располагая огромным состоянием, этот обжора решил, что его капитала для «сносной» жизни хватит не больше, чем на год. Поэтому, чтобы «не умереть с голоду», он решил «умереть от изобилия». Он созвал своих друзей на последний, прощальный пир и, основательно насытившись, вдоволь выпив, принял сильный яд. Развратный Рим рукоплескал его трагической кончине.

Можно было бы привести множество примеров добровольной смерти под влиянием пресыщения, порожденного развратом, развлечением и удовольствиями. Такие люди стремились только к наслаждениям и только в этом видели цель своей жизни.

Можно с уверенностью сказать, что всякая невоздержанность и пресыщение несут в себе зародыш самоубийства. Невоздержанность — это невидимый поток под домом, который рано или поздно подмывает фундамент. Любовь к удовольствиям, развлечениям и роскоши плохо уживается с добродетелью. Она часто приводит человека к падению и почти всегда формирует неправильный взгляд на жизнь. Главное в таких случаях оказывается в пренебрежении, второстепенное выступает на первый план: «На что мне соха, была бы балалайка!»

Распутная, разгульная, расточительная жизнь — это духовная болезнь, весьма распространенная среди нас, русских. Она ведет к духовному оскудению, к преступлениям и к самоубийству. Распущенные люди не думают о правде, добре, истине; высшие идеалы им чужды, о бессмертии души они и не помышляют. Они равнодушно относятся к вопросу вечности, не ведая, что они — бессмертные существа.

Еще меньше таких людей беспокоит судьба окружающих. Безучастная рука, неотзывчивое сердце, извращенные привычки, очерстевшая совесть, расслабленная воля, над-

менный ум и ущемленное самолюбие — отличительные черты характера этих людей. Они травятся, вешаются, стреляются, без всякого страха и внутренней борьбы, просто потому, что жизнь им «надоела», потому что они «устали», потому что условия их жизни не дают им больше возможности наслаждаться материальными благами и мелкий их эгоизм не получает желанного удовлетворения.

«Люди ищут удовольствий, — говорит Паскаль, — бросаются из стороны в сторону только потому, что чувствуют пустоту своей жизни, но не чувствуют еще пустоты той новой забавы, которая их притягивает». Человек, переходящий от одной забавы к другой, в конце концов начинает чувствовать то же, что чувствует посетитель ярмарочного балагана, высиживший подряд на двух или трех представлениях. Он убеждается, что и здесь «суета сует и томление духа» и что этот суррогат не может насытить его бессмертную душу. Если искатель наслаждений вовремя не остановится и не откажется от своего извращенного взгляда на жизнь, он рискует заразиться «презрением к жизни» и очутиться в гробу «с жестким выражением сдвинутых бровей и сжатых губ», — эта посмертная суровость лица свойственна самоубийцам, ставшим жертвой излишеств, пресыщенности, полового переутомления и нервного расстройства.

«Никогда не ищите удовольствия, но будьте всегда готовы находить во всем удовольствие, — говорит Джон Раскин. — Если ваши руки заняты, а сердце свободно, то самая ничтожная вещь доставит вам своего рода удовольствие и вы найдете долю остроумия во всем, что услышите. Но если вы обратите удовольствие в цель вашей жизни, то настанет день, когда самые комические сцены не вызовут у вас истинного смеха».

Пессимистический взгляд на жизнь также весьма часто приводит людей к самоубийству. Видеть все в мрачном свете, подмечать во всем только одну дурную сторону, находить везде и всюду только одно зло — какое это несчастье! Пессимизм неизбежно вытекает из неверия в идею блага,

из отрицания Бога. В этом отрицании таится главный источник пессимизма. Но имеются и другие его причины. Ученые склонны рассматривать пессимизм как тяжкий недуг и связывают это душевное заболевание с физическими болезнями желудка и половых органов: те и другие болезни способствуют развитию в человеке склонностей к меланхолии, чрезмерной мнительности, тоске и ипохондрии.

Отсутствие физического труда также способствует мрачному настроению. Труд отвлекает человека не только от жизненных забот, горя и уныния, но и спасает от многих болезней. У занятых делом людей нет времени предаваться мрачным мыслям или безотчетной тоске. Грусть и хандра не находят себе места у людей работающих.

Праздные люди терзают себя и других, отравляя жизнь всем окружающим. Иоанн Златоуст в письме к Стагиру указывает на средство от хандры: следует обзавестись семьей, любить ее и работать для нее. Но разве мало ипохондриков среди семейных? Этот бич души может опасно ранить каждого. Подобным недугом тяжело страдал Шатобриан. Он скучал среди шумного светского общества, переезжал с места на место, даже на людях впадал в мрачное настроение, предавался беспричинному отчаянию в тиши своего кабинета и мысль о самоубийстве всегда преследовала его.

Гнетущая тоска, ипохондрия и постоянные мысли о самоубийстве не покидали также и Ламартина.

Склонные к самоубийству люди утверждают, что жизнь по сути является безотрадной и что их личная жизнь — в тягость им самим и не нужна другим людям.

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана? —*

спрашивают они себя и убеждаются, что и на самом деле они — «лишние люди» здесь, на земле. Подобное заключение не может не привести их к печальному концу. Но они забывают о том, что в мире нет «лишних людей» и что нет также на земле душевных страданий, которых невозможно

утолить. Если сегодня человек почувствовал себя «лишним», завтра он может ощутить себя полезным членом общества. Если сегодня человеку опостылела жизнь, то не следует думать, что и впредь он также будет мрачно смотреть на свое существование. Сегодня человек томится и страдает, но время утоляет горе, заживает самые глубокие душевные раны. Проходит некоторый период времени, меняются житейские обстоятельства, мысли принимают другой оборот, и человек, безнадежно томящийся и отчаявшийся, снова наслаждается жизнью и благодарит Бога, что Он сохранил его от поспешных решений и безумного шага. Душевные мучения должны «перебродить на своих дрожжах», чтобы тяга к смерти показалась дикой и безумной.

Наполеон дважды пытался покончить с собой. Претерпев все превратности судьбы, он говорил на острове Святой Елены: «Лишить себя жизни из-за любви — сумасшествие, из-за потери состояния — низость, из-за нежелания пережить свой позор — слабость. Но потерять корону и остаться жить, перенося обиду врагов, — это настоящее мужество».

Г-жа де Сталь, тоже однажды пытавшаяся покончить жизнь самоубийством, писала: «Прежде я хвалила самоубийство, потому что тогда я была в полном расцвете горячей молодости, но теперь я исправилась». Г-жа де Сталь «исправилась», она, как и Наполеон, познала, что смысл всех наших жизненных потерь и затруднений в том, чтобы выработать в себе характер, достойный разумного и бессмертного существа, и что жизнь, прожитая без бурь, без душевных кризисов и потрясений, ни к чему не приводит. Аристотель говорил, что «умирать по причине бедствий или любви, или каких-нибудь вообще неудач — недостойно храброго мужа. Человек, стремящийся к смерти, как к благу, тем самым избегает трудностей, с которыми связано достижение подлинного блага».

Всякому решению умереть должны были бы предшествовать здравые рассуждения о прошлом, настоящем и буду-

щем. Пессимисты же кончают жизнь без всяких рассуждений. Они действуют под впечатлением мрачного момента, и о каких-то разумных решениях в подобном состоянии аффекта не может быть и речи. Солнце скрылось за тучу, а им кажется, что оно исчезло навеки и больше никогда не покажется на горизонте их грустной жизни.

Умный человек, переживающий мрачные минуты, может сделать только один разумный шаг: обратиться за помощью к Богу, Который сказал: «Не забывай Меня. Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя» (Ис. 44:21,22). «Вразумлю тебя, наставлю тебя на путь, по которому тебе идти; буду руководить тебя, око Мое над тобою» (Пс. 31:8).

Когда мы делаем этот разумный шаг и Бог входит в нашу жизнь, все в корне меняется. Однажды спросили жену, муж которой обратился ко Христу и стал евангельским христианином: «Правда ли, что ваш муж переменял веру?» «Нет, — ответила она. — Вера переменяла моего мужа: раньше он был безбожником, нелюдимым, угрюмым и недовольным, а теперь вы сами видите, какая произошла в нем чудодейственная перемена. Я сама не узнаю его — он стал жизнерадостным, трудолюбивым и открытым человеком».

Христианство первых веков характеризовалось отступлением от порочной жизни и обретением новой жизни во Христе Иисусе. Обращаясь к уверовавшим во Христа людям, апостол Павел пишет: «Ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблудшие, были рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга. Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни» (Тит. 3:3-7).

*И просветлен мой темный взор,
И стал мне видим мир незримый,
И слышит ухо с этих пор,
Что для других неуловимо.*

***Самоубийство как следствие отсутствия у человека
духовных сил, необходимых для победы над жизненными
трудностями***

У каждого из нас есть в сердце своя собственная маленькая «небесная империя». Эта империя — вселенная в миниатюре, но в ней нет порядка. Дух, душа и тело человека по своей греховной натуре, унаследованной от Адама, свергли Бога в сердце человеческом и находятся в состоянии постоянной смуты и непрерывной борьбы за власть. Блаженный Августин так описал это непрекращающееся соперничество: «В каждом человеке есть змий, т. е. его падшая природа, Ева (чувства) и Адам (разум человека)». Наша нравственная сила и наше бессилие зависят всецело от того, под чьей властью мы находимся. Истинная, благотворная для человека власть — власть Божия, то состояние души, когда «Царство Божие внутри нас есть», когда Дух Божий вселяется и пребывает в нашем сердце.

*Во мне живет незримый Собеседник,
Мой тайный мир знаком Ему, как мне.
Он милый Гость в душевной тишине,
А в горести — то Друг, то Проповедник.*

К этому состоянию мы приходим путем веры в искупительную жертву Иисуса Христа и принятия Его как нашего личного Спасителя, умершего за нас на голгофском кресте. К этой вере нет иного пути, кроме искреннего, глубокого покаяния, личного обращения к Богу и возрождения свыше через Дух Святой. Только в этом примирении с Богом и пребывании в Нем мы обретаем ту духовную силу, кото-

рая так нам нужна для жизненной борьбы. Мы сами по себе бессильны, духовно расслаблены, неспособны к битве и никогда не одержим желанной победы над собственной плотью, над живущим в нас грехом и лежащим во зле миром.

Наш разум, желающий власти, по природе своей — самообольщенный слепец, мнящий себя зрячим и выдающий себя за такового. Ум способен и готов служить двум господам — добру и злу. Стыдясь собственного бессилия, ум любит убаюкивать себя сладкой иллюзией своей неограниченной проникновенности и власти.

Но все ли в человеке подвластно его разуму?

Очевидно, не все, если при высоком умственном развитии и наличии образования можно иметь каменное сердце, необузданные страсти и сохранить самые низкие инстинкты. Ум все знает, все понимает, все видит, но ни его знание вещей, ни самое глубокое их понимание не дают ему духовной власти для преодоления всего того, что Бог считает неправильным. Можно знать этику и логику, но мыслить нелогично и поступать неэтично. Умение правильно оценивать поступки и чувство долга сами по себе не дают нам силы поступать правильно — в этом вся трудность любого нравственного вопроса. Великие умы всех времен считали самоубийство преступлением, постыдным и безнравственным деянием, но это убеждение не помешало таким людям, как Демосфен, Ганнибал, Фемистокл, Зенон, Марк Аврелий, Лукреций, Ликург, и многим другим, столь же богато одаренным, самовольно прервать нить своей жизни. Да, ум способен открыть и показать нам все блаженства рая, но ввести нас в этот рай ум не может. Переворот в сознании человека не влечет за собой переворота в его жизни. Революция ума — явление поверхностное. Разум видит нравственные цели, но не может достичь их, а следовательно, не может осчастливить человека.

Наша чувственная душа — так же, как и наш ум, — безнадежно бессильна, а поэтому она тоже не может и не должна

управлять нами. Она легко поддается слепому и безмерному стремлению к плотской жизни, лишенной самодовлеющей цели. У нее всегда только один внешний, земной, конец — смерть и тление. Человек, всецело предающийся своим плотским желаниям, в конце концов подчиняется им и уже перестает владеть собою. Нравственная жизнь находит свое выражение в умении человека управлять самим собою, безнравственная — в нашем подчинении грубым страстям, животным инстинктам и низким наклонностям. Подлинная христианская жизнь — это жизнь под управлением Христа. Пока Христос не принят человеком и не обитает в его сердце, нельзя ожидать от человека победы над грехом, а если так, то нельзя ожидать и благословений в жизни.

Сила нашей души и разумность жизни, подобно боеспособности армии, зависит от дисциплины, а дисциплина выражается в уважении и подчинении менее опытного более опытному и прошедшему испытания человеку. Недопустимо, чтобы ефрейтор командовал генералом, чтобы наше высшее начало подчинялось низшему. Там, где допущено такое подчинение, наступит разлад в душе и хаос в жизни, от которых нас может освободить только Христос. Кто, кроме Христа, указал человеку путь к высшему и ценнейшему искусству — управлять собою и ладить с людьми? Не в этом ли неумении ладить с другими и в незнании, как владеть собой, — болезнь, которая, развиваясь, приводит к преждевременной насильственной смерти? Вот почему хочется лишний раз подчеркнуть, что без Бога, без Христа, без Духа Святого научиться искусству правильно жить невозможно!

Человек должен не только осознать свою глубочайшую потребность в Божьей силе, но и смиренно получить ее от Бога. Рассказывают, что на съезде безбожников один из ораторов сказал: «Без Бога мы как-нибудь обойдемся». И он был по-своему прав. Кто станет возражать, что жить без Бога — это значит жить «как-нибудь»? «Как-нибудь» можно

обойтись и без Бога, и без хлеба, и без квартиры, но что это за жизнь? И как такая жизнь отличается от той, о которой сказал Христос: «Я пришел для того, чтоб имели жизнь, и имели с избытком»?

Право жить — наше неотъемлемое право, и нет в мире другого, более драгоценного и священного права. Отказаться от него, казалось бы, может только сумасшедший. Медицина не допускает, чтобы нормальный человек мог самовольно уйти из жизни. Однако утверждение, что все самоубийцы — люди «рехнувшиеся», а самоубийство — результат разлада умственной деятельности, может оказаться односторонним и неверным. Конечно, есть много случаев, которые объясняют самоубийство болезнью мозга, душевным расстройством, но подвести все случаи самоубийства под эту рубрику никак нельзя.

Основными побуждениями к самоубийству являются не умопомешательство, не материальные нужды, не стечение обстоятельств, не безвыходность из житейского положения, а духовная растерянность и утрата почвы под ногами. Встретившись с жизненными затруднениями, но не имея должной духовной подготовки и необходимой моральной силы, человек впадает в отчаяние и губит себя. Никакое горе не велико, велик только страх перед ним. В страхе люди забывают, что нет положений безвыходных и что отчаяние — более обманчиво, чем надежда.

Аристотель порицает самоубийство, считает его проявлением трусости: «Страдание и терпение — лучшая школа героизма, но для страдания и терпения — недостает самоубийце сил и мужества, поэтому он бежит от жизни». Почему, попав в тупик, человек лишает себя жизни? Только потому, что он бессилен духовно. Чтобы жить, надо обладать стойкостью и твердостью, а именно этих качеств характера и бывают лишены самоубийцы.

Кому из нас не приходилось слышать о самоубийстве, вызванном «несчастной» любовью, страданиями отвергнутого сердца?! Сколько юношей поплатились жизнью из-за

этих страданий! Все они ушли из жизни в том возрасте, когда нет еще житейского опыта, когда центром всех представлений и суждений человека является горделивое «я», когда пылкое воображение прощает собственные недостатки, преувеличивает достоинства и рисует все не так, как бывает в реальной жизни. Молодые люди мало знают о том, как непрочны человеческие взаимоотношения, связи и наслаждения и как легко они могут обернуться сильнейшими огорчениями, несчастьями и бедами.

Люди в зрелом возрасте верят в истинную, прочную дружбу, но допускают возможность разочарования в ней, ибо знают, как часто дружба связывает людей только на время, до первого несчастья или затруднения. Взрослые люди радуются своему здоровью, но не забывают, что и его очень легко можно лишиться. Они наслаждаются семейным счастьем и все же помнят, что каждый член их семьи не застрахован от самой опасной болезни и трагической смерти, они считают своих детей бесценными сокровищами, но готовы к тому, что их любимцы могут причинить им боль. Взрослые люди глубоко верят во взаимное чувство, но допускают возможность разочарования в нем. Любовь обладает свойством зарождаться, захватывать, увлекать человека, а потом, как часто бывает, охладевать, искажаться ревностью и даже превращаться в чувство открытой злобы, ненависти и мести. Люди пожилого возраста не поддаются внезапному очарованию и обольщению. Но не так воспринимает жизнь человек молодой, у которого —

Туман лежит еще кругом

Над полем детских наблюдений...

Юноша часто неспособен проанализировать свои чувства и убедиться, что любви, во имя которой он решил лишить себя жизни, не было вовсе. Действительно, что же это за любовь, которая ни с кем и ни с чем не считается и дерзко толкает на страшный, роковой шаг? Нет, это не любовь, такое чувство недостойно названия любви. Такое чувство

надлежит рассматривать как выражение самого крайнего эгоизма. Истинная любовь «не делает ближнему зла, не мыслит зла, долготерпит, милосердствует, все переносит, не ищет своего...» Истинная любовь, помышляющая о счастье другого, никогда не допустит отчаяния. «Отчаиваешься потому, что для своей радости жить хочешь», — сказал один из героев Льва Толстого.

Обратимся к переживаниям тех людей, которые убивают себя из-за так называемой любви. Кто эти люди? Это влюбленные, страсти которых весьма низменны, умственный и житейский кругозор которых чрезвычайно узок, душа которых никогда не была свободной от мрачной подавленности. Вечная тоска, чувство обделенности судьбой и другие мелкие чувства, недобрые и неприятные, рожденные несчастной привязанностью, толкают их в пропасть небытия. Это — мечтатели, идеалисты, люди чувственные, начитавшиеся пустых, вредных книг и грязных любовных романов. Столкнувшись с первыми незначительными препятствиями в жизни, они не могли преодолеть их и покориться воле Божьей. Чтобы перенести горечь отвергнутой любви, требовалось совсем немного: немного духовных сил, немного здравого смысла, немного житейской мудрости... Но этих качеств у самоубийцы и не оказалось в трагический для него момент. В результате — на первом «случайном порожке» споткнулась жизнь... Человек наложил на себя руки, преступно забыв, что жить мы должны не так, как нам хочется, а как Бог велит. «Только в буре, — говорит Даниель, — вполне сказывается искусство мореплавателя; только на поле сражения испытывается храбрость воина; мужество же человека познается в затруднительных и опасных положениях жизни». «Если ты в день бедствия оказался слабым, то бедна сила твоя» (Притч. 24:10).

Душевная и духовная скудость многих самоубийц часто выражается в стремлении «спасти свою честь» или «избежать позора». Это стремление весьма странно, потому что, пытаясь «спасти честь», люди бесславно теряют жизнь. «Я

не мог перенести позора, — пишет в предсмертной записке самоубийца, — а потому ухажу за грань земного кругозора».

Но что может быть позорнее ухода из жизни? Кто усомнится, что самоубийство таких людей было вызвано неправильным образом их жизни? На самоубийце часто лежит тяжелая ответственность, но своей насильственной смертью он не только не снимает этой ответственности, но значительно усугубляет ее, ибо подобное «спасение чести» на самом деле является только дешевым проявлением гордости, не способной признавать свои ошибки, стойко принимать удары судьбы, терпеть поражения, учиться на промахах и заслужить подлинное уважение смирением перед людьми и покорностью пред Богом.

Но как и где научиться нам терпению и покорности? На жалком базаре жизни их не найдешь и ни за какие земные блага не купишь. Эти сокровища — суть плоды Святого Духа. Их можно получить, только примирившись с Богом и только через веру во Христа, как своего личного Спасителя. Другого пути нет. «Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4:12).

«Пора, — говорит Владимир Соловьев, — стать равнодушными к ограниченным интересам этой жизни и свободно и разумно уверовать в другую высшую действительность». Не забудем, что отрицание спасения, загробной жизни и возможности духовного возрождения уничтожает высшие моральные основы. Если все кончается со смертью, человеку незачем обуздывать себя, незачем сдерживать свои инстинкты, свои страсти. Добро и зло, правда и ложь смешиваются и взаимно уничтожаются. «Сеющий в плоть свою, от плоти пожнет тление», — говорит Священное Писание. В нравственном отупении человек спешит «пожать тление», хотя расплата за это от него никогда не уйдет. Для ясной и смелой мысли нет высшей награды, чем прозреть духовно, расстаться раз и навсегда с людскими предрассудками, с примитивным представлением о чести и

о ее восстановлении. Нет лучшего духовного врачевания, чем посмотреть в лицо действительности и получить от Бога ясное откровение, что выход есть, что выход этот — в покаянии и примирении с любящим Небесным Отцом. Для человека, примирившегося с Богом, вопрос о самоубийстве исключается. При всех обстоятельствах жизни он может твердо сказать: «Все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. <...> Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Рим. 8:37; Флп. 4:13).

Мы часто сталкиваемся с ошибочным утверждением, что на самоубийство способны только сильные натуры, люди, обладающие силой воли. Но так ли это? Не являются ли эти «сильные натуры» только рабами своих страстей, привязанностей, своей гордости, страха перед жизнью; не являются ли они несчастными жертвами традиций, пойти наперекор которым у них «не хватило духу»? Человек, собирающийся уйти из жизни, смотрит на самоубийство как на нечто более приемлемое для него, чем продолжать жить, действовать и страдать. Демосфен отравился из опасения подвергнуться бесчестию и быть проданным в рабство, когда полководец Антипатр потребовал у афинян его выдачи. Полководец Ганнибал также отравился, чтобы не отдаться в руки своих непримиримых врагов — римлян. Эти люди были храбрыми и непоколебимыми до тех пор, пока опирались на толпу и армию солдат, но когда поддержка рухнула, они поразились своему одиночеству и увидели, что душа пуста — опоры нет. Можно было бы еще привести случаи предпочтения смерти бесчестию, рабству, тюрьме и позору. Их легко найти в древней и новой истории, даже в современной газетной хронике. Но разве сказанное выше не подтверждает, что к самоубийству толкает человека не сила воли, а, наоборот, духовная слабость, душевная пустота, малодушие перед испытаниями, бессилие перед фатально сложившимися обстоятельствами. Нужно согласиться, что самоубийство в большинстве случаев — акт задыхающейся от бессилия злобы, а не мужественного, добровольного отрече-

чения от жизни, как стараются уверить нас. К этому печальному концу человек обычно приходит —

*С его безнравственной душой,
Самолубивой и пустой,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом...*

Заметим также, что никто и никогда не лишал себя жизни в состоянии примиренности с врагами, с чувством всепрощения. Самоубийца (если ему предоставляется возможность) охотно сводит свои счета с тем лицом, которое является «причиной» его гибели, а потом уже налагает на себя руки. Для такого мщения в свой смертный час от человека требуется не сила воли, а большая доля все той же низкой злобы. В таких случаях сбываются слова Писания: «Злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя» (Пс. 7:17). Самоубийство, по словам Жана Батиста Дюма, — «злоупотребление храбростью». Но если в этом акте и предположить проявление какой-то храбрости, то храбрость эта слишком ничтожна. И если подобные «сила воли» и «храбрость» оказываются достаточными для самоуничтожения, то для самосохранения в условиях жестоких житейских битв таких средств недостаточно, для этого нужны духовные силы, духовная храбрость.

Если мы призадумаемся над любым поводом к самоубийству, то неизбежно найдем изъян: недостаток духовных сил. Обладая нужными духовными силами, человек легко бы справился с тяжелыми переживаниями, вызванными изменой друзей, оскорбленным самолюбием, финансовым крахом, утраченной свободой, поруганной честью, непризнанием таланта, ожиданием наказания, неизлечимой болезнью, неверностью в любви, неблагодарностью, завистью, бездельем и т. д.

Много бывает случаев самоубийств из-за склонности человека к подражанию. Рассказы и подробные газетные отчеты о самоубийствах воздействуют на людей нервных и

впечатлительных. Сообщения эти пагубно сказываются на людях, у которых отсутствуют необходимые духовные силы и которые легко поддаются мнительности и внезапной душевной тревоге.

После самоубийства поэта Сергея Есенина, о котором так много писали все газеты, прокатилась страшная, испугавшая все слои русского общества, волна самоубийств среди юношества. Девушки и молодые люди в предсмертных записках цитировали строки Есенина, написанные кровью за несколько минут до конца:

*В этой жизни умереть не ново,
Да и жить, пожалуй, не новей...*

Самоубийство знаменитого человека, имеющего много поклонников, бывает сигналом к массовому психозу самоуничтожения.

Попутно с другими неровностями характера мания лишиться себя жизни часто передается детям от их родителей. Легкомысленность, эксцентричный образ жизни, сильные порывы страстей, повышенная чувствительность, мрачное расположение духа — предвестники самоубийства. Не редки также случаи, когда люди лишали себя жизни только потому, что самоубийство уже неоднократно имело место в их семье. В болезненном воображении этих людей укоренилось гибельное убеждение в неизбежности для них насильственной смерти.

В средние века самоубийце можно было не прибегать к яду или другому средству лишения себя жизни, достаточно было сказать одно слово перед трибуналом инквизиции, чтобы смертный приговор был вынесен и подписан. Таким образом, самоубийца, добровольно лишая себя жизни, не накладывал на себя рук. К подобному решению в те времена приходили тысячи мнимых ведьм, колдунов, еретиков и чародеев. Хорошо зная, что рано или поздно они будут сожжены или повешены, что им не избежать папского «правосудия», эти люди, в состоянии нервного расстройства,

предпочитали отдаться в руки инквизиторов и умереть «легкой смертью», избежав пыток.

Люди налагают на себя руки еще и потому, что, являясь жертвами того или иного порока, не имеют духовных сил победить порок и освободиться от него. Из всех человеческих пороков и извращений пьянство и азартные игры наиболее губительны. Под влиянием алкоголя человек подвергается, незаметному вначале, моральному и физическому разложению. Слабоумие, преступление, сумасшествие и, наконец, самоубийство — вот печальный жизненный путь такого несчастного. Не редки случаи, когда под влиянием алкоголя на самоубийство покушались люди, далекие от этой мысли в трезвом состоянии.

Азартная игра всегда связана с катастрофой, бесчестием и преступлениями, и некоторые ученые утверждают, что на свете нет ни одного игрока, который бы никогда не помышлял о самоубийстве. «Грехи любезны доводят до бездны...»

Кому из нас не приходилось сталкиваться с так называемыми «взбалмошными людьми»? Они раздражаются из-за пустяков, ищут ссоры, дуэлей, они всегда рискуют, говорят о приключениях и часто намекают, что хотели бы покончить с собой. Все эти люди духовно беспомощны, несчастны, жалки. Добродетель, долг, нравственность, свобода, чистота, честность, духовные ценности — для них это понятия, лишенные смысла.

Любовь к отечеству, права —

Лишь только жалкие слова...

Самое бесполезное занятие — разыгрывать из себя вольнодумца, но как оно жестоко наказывается. Религия? Грех? Святость? Все — вздор, выдумки, бабьи сказки, высокомерно заявляют вольнодумцы. Как легко расправиться с вековыми устоями, позабыв, что там, где нет незыблемых основ, все колеблется: семейные узы ослабевают, правила нравственности извращаются и греховным страстям дается ничем не стесняемая свобода. «Живи, как тебе хочется, сте-

снять себя не для чего!» — проповедуют безумцы. Но жизнь свою они строят на песке, а не на камне, и крушение жизни, подмытой половодьем греха, неизбежно. Они погибнут, если не обратятся ко Христу и не построят на Его драгоценном основании свою дальнейшую жизнь. Без покаяния и изменения сердца их жизнь будет подобна телеге, которую глупые люди тащат колесами кверху. Все их старания исправиться, обещания стать другими никогда ни к чему не приведут. Они погибнут, если не перевернут свою «жизненную телегу» и не поставят ее так, как ей полагается стоять по воле Господней. «Как хорошо бывает человеку, — говорит Паскаль, — когда он истомится в напрасных поисках благ в мирской жизни и протянет, усталый, свои руки ко Христу!» Как печально, что эти обессиленные руки простираются иногда только на старости лет, незадолго до смерти, а то и совсем не простираются.

Для нашего же счастья необходимо оставить путь греха, избираемый нашей плотью, и стать на путь святости, по которому плоть не хочет и не может идти.

Скорей прости руки к Богу! Пусть Он поведет Тебя. Только Он может избавить тебя от самоубийства и дать тебе то «единое на потребу», чего ищет и жаждет твоя душа с юных лет.

*Проснись же тот, в чьем сердце живы
Желанья лучших, светлых дней,
Кто благородные порывы
Не заглушил в груди своей.*

Самоубийство как предрешенный уход из бессмысленной и бесплодной жизни

Потерявшийся в жизни человек подходит к бездне отчаяния и, обезумев, бросается в нее. Почему? Потому что в самом начале он избрал путь «ничегонеделания» и отрицания всего. Пройдя этот бессмысленный путь до конца, он

не обрел ни своего земного назначения, ни смысла жизни. Сколько таких людей в этом мире!

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум...*

Трагизм подобного человеческого прозябания, весь его ужас, заключается в том, что бессмысленная и бесцельная жизнь не удовлетворяет человека, не может и не должна удовлетворить. Такая жизнь в корне ненормальна, извращена, она не в природе человеческой натуры, нарушает гармонию внутреннего мира, приводит к бесконечному ряду разочарований вплоть до разочарования бытием. Нормальный человек страшится такой жизни. Ощущение этого страха удачно выражено поэтом:

*К чему мне ваша жизнь,
Без цели и значенья?
Мне душно будет жить,
Мне стыдно будет жить!..*

Многовековой человеческий опыт подтверждает, что пустая жизнь, жизнь без цели и значения, опасна. В ней таятся страшные неожиданности. Ни один порок не проникает в жизнь человека внезапно. Он разлагает душу постепенно, являясь вначале в качестве гостя, затем — как квартирант и, наконец, вселяется в сердце человека как полновластный бессердечный деспот. Один порок вскоре порождает другой, пороки эти плодятся, множатся и постепенно, «по ступенькам», низводят свою жертву в ад. Дурные привычки уподобляют нас Гулливеру, которого лилипуты приковали к земле, привязав каждый его волосок к маленьким колышкам, воткнутым в землю.

Миллионы несчастных, пытавшихся найти свое счастье в грехе, заплатились жизнью и вечностью. Бог дал право каждому живому существу чувствовать себя удовлетворен-

ным тем временным, чем оно располагает здесь, на земле. Человек с разумной и бессмертной душой не имеет права удовлетвориться только земным, временным. Он не может ограничить себя только видимым. Такое ограничение противно его разуму. Оно противоречит его совести. Усыпленная совесть иногда долго молчит, но наступает пробуждение, и тогда «змеи сердечной угрызенья» ввергают человека в безысходное отчаяние. Человек так создан, что его может удовлетворить только то, что способно удовлетворить его Создателя.

Бесцельная и бессмысленная жизнь преступна. Человек, ведущий такую жизнь, подает дурной пример окружающим. Он старается скрыть свои пороки, выступая перед людьми как человек, достигший счастья, но Бог знает его сердце. Как преступник, он ответит пред Богом «за всякое праздное слово», за всю праздную жизнь, за убитое на земле время, предназначавшееся ему Творцом для более высоких жизненных целей. Праздные люди жестоко расплачиваются за свою праздность уже здесь, на земле. Их пустой, ничем не занятый ум, подобно невспаханному полю, зарастает сорными травами. Какова же будет жатва? «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6:7).

Бесцельная и бесплодная жизнь безумна. Она противоречит здравому смыслу, противоречит нашим земным интересам. Человек отлично осознает, что будет сокрушен поработившей его ленью, матерью всех пороков, но голос лени заглушает и голос совести, и голос разума, одерживая над ними победу. Нет на свете ничего отвратительнее лени. Ленивые люди с годами тупеют. И если идиоты вызывают у людей чувство сострадания, то человек ленивый, порочный, прожигающий жизнь, может вызвать одно лишь презрение.

Бесплодная и бессмысленная жизнь обречена на Божье возмездие. «Возмездие за грех — смерть»: смерть физическая, смерть духовная, смерть вечная. «Я не верю, — обычно

заявляют люди, — что моя душа будет жить после смерти...» После смерти? Но разве душа такого человека жила при его физической жизни? Физическая смерть — отделение души от тела; смерть духовная — отделение души от Бога. Это отделение души от Бога было уделом всей земной жизни порочного человека. Он, конечно, знал об этом, но никогда не думал о примирении с Небесным Отцом. Для решения подобных вопросов у него «не было времени».

Человек, потративший лучшую половину жизни на погоню за уладами праздности, за благами земными, редко прозревает и обращается к Богу. Растративший душевные и физические силы на пустяки, жадно осушивший кубок греха чуть ли не до последней капли — очнется ли? Наступит ли время покаяния и сокрушения сердца у человека, с чела которого давно исчез образ Божий? Предстанет ли, захочет ли эта, изношенная грехом плоть, эта состарившаяся, полумертвая душа постучаться в дверь Отцовского милосердия?

«Нет! Нет! Я покончу с жизнью!» — восклицает такой несчастный. С жизнью? Но ведь с подлинной жизнью ты давно уже покончил, даже не узнав ее! Разве то жалкое существование, которое ты влачил бесцельно и бессмысленно, можно назвать жизнью? Если бы ты знал, что такое истинная жизнь с ее смыслом и назначением, ты никогда не подумал бы о самовольной смерти. Уже одно то, что в самоубийстве ты ищешь выход из создавшегося затруднения, показывает, что ты никогда еще не жил истинной жизнью.

Самоубийство — не выход из положения. Самоубийством нельзя решить вопрос ни о смысле жизни, ни о назначении смерти. Напротив, со смертью «все» не кончается, а только начинается. Душа бессмертна. Умирая физически, мы освобождаемся от тела, одежды души, мы как бы снимаем платье — покров нашей души. А ведь болит-то у нас не тело — болит, страдает и мучается душа.

«Но разве душа и тело — не одно и то же?!» — спрашивают некоторые. Вот что отвечает на это Платон: «Присутст-

вие в душе идей, которые служат мерилom всякого опыта и с которыми, однако, никакое знание не бывает вполне соответственно, доказывает, что душа составляет самостоятельный их источник, независимо от тела... Если бы душа была только согласованием телесных элементов, она неизбежно подчинялась бы всем телесным впечатлениям, в ней не могло бы быть ничего, что бы им противоречило; она не могла бы противодействовать им и еще менее управлять ими».

Самовольно отделяя душу от тела, самоубийца разрушает лишь сложную форму их единства, но не уничтожает ни самой сущности души, ни сущности материи. В природе ничего не пропадает — заявляет нам наука. Библия же говорит, что у Бога «ничто не выбывает» (Ис. 40:26), что у Бога пишется памятная книга, согласно которой Бог будет судить мир.

«Наша земная жизнь, — говорит Лев Толстой, — по сравнению с загробной — то же самое, что сон по сравнению с действительностью. Ведь во сне мы принимаем свои сновидения за жизнь, но это лишь грезы, а самая жизнь наступает лишь после пробуждения. Так будет с нами в минуту смерти». Что же достигается самоубийством, если со смертью настоящая жизнь только вступает в свои вечные права?

Самоубийцы Царства Божия не наследуют. Заповедь Божья категорична: «НЕ УБИЙ!» Бог говорит: «Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его» (Быт. 9:5). Заповедь отнюдь не говорит: «Не убий твоего ближнего». Она говорит: «Не убивай» (Исх. 20:13). Спаситель завещал любить ближнего, как самого себя. Убивающий себя или другого человека одинаково повинен в убийстве, ибо запрещено вообще убивать людей.

Самоубийство, по учению Блаженного Августина, преступнее убийства другого человека, ибо, убивая себя, мы посягаем не только на тело, но и на душу, в то время как при убийстве ближнего умерщвляется только тело. Вот что говорит об этом Слово Божие: «Разве не знаете, что вы храм

Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог» (1 Кор. 3:16,17).

Самоубийство — тяжкий, непростительный грех. Совершая самоубийство, человек грешит против Бога, самого себя и своего ближнего. Грех этот не может быть прощен, потому что не может быть оправдан. Бог поставил человека в этом мире, как солдата на часах. Как солдат не может покинуть вверенный ему пост, так и человек не смеет самовольно уйти из жизни. «Тут поле брани, тут должна разыгаться битва, тут я хочу победить», — говорит Ибсен.

Всесильный Бог, создавший нас, не оставил за Собою права распоряжаться нашей жизнью. Как свободные, разумные и бессмертные существа мы пользуемся правом выбора и свободного решения. Бог предоставил жизнь в наше полное распоряжение, и Он ожидает, что мы достойно отнесемся к этому Его дару и высоко оценим его. Жизнь — величайшее благо, несравненное наше сокровище. Если мы пренебрегаем этим сокровищем и сознательно отказываемся от него, мы тем самым проявляем нашу неблагодарность, идем против воли Божьей и гневим Его. Пользуясь правом выбора, мы злоупотребляем этим правом, совершаем выбор не по воле Божьей, отягчаем свой грех неблагодарности непокорностью Богу.

Самоубийца грешит против своей совести и разума. «Несовместимо с разумом злодейство», — сказал Софокл. Самое ничтожное злодейство никогда не может быть оправдано разумом, а тем более самое страшное из всех злодейств — самоубийство. Человек, подобно ученику, послан в школу жизни. Бог указал ему на сложные и мудрые задачи, к решению которых человек должен неустанно стремиться. Покидая преждевременно земную школу, человек тем самым отвергает Бога, отказывается от Его целей и планов, направленных к блаженству.

Здесь мне хочется обратиться лично к читающему эти строки:

— Друг! Если ты устал на жизненном пути, Бог может

поддержать тебя и дать тебе нужные силы. Не отчаивайся: вспомни, сколько ты принял жизненных ударов, сколько ты пережил страданий и как мужественно ты переносил их в течение долгих лет. Взбодрись! Течение твоей жизни уже близко к концу. Срок пребывания твоего на исходе, а потому отгоняй от себя всякую мысль о сокращении этого срока!

Самоубийца грешит не только против Бога, но и против своего ближнего. Жизнь человека не принадлежит ему одному, он живет не только для себя, но и для родных, для своего народа, для всего человечества. В природе все целесообразно. О псалмопевце Давиде говорится, что он, «послужив изволению Божию, почил». Возникает вопрос: служим ли мы своей жизнью этому изволению Божию? Нельзя допустить, чтобы наша земная жизнь, столь мудро задуманная и осуществляемая, оказалась бы вдруг бесцельной. Небесный Отец начертал для нас Свой великолепный план, и не Его вина, если мы, предавшись греху и собственному произволу, избрали свой гибельный путь, наметили свой безумный план жизни и упорно стремимся к достижению своих ничтожных целей.

Наше «я» часто оказывается неспособным служить «изволению Божию», искать «прежде всего Царствия Божия и правды Его». Подобно блудному сыну, мы пренебрегли родительской заботой о нас, попрали то, что Отец приготовил для нашего счастливого будущего, потеряли свое земное назначение, утратили свое нравственное достоинство, извратили чаяния и стремления, исказили душу и ее драгоценные качества, расточили полученную от Бога «часть имени», живя распутно, развеяли чистые, святые чувства, свежесть души, ясность разума, здоровье тела, силу духа, чистоту совести, высокие свойства свободной воли. Наши старания и все наше умение мы направили только к тому, чтобы стать несчастными. Пора бы нам, наконец, убедиться, что нельзя строить жизнь на отчуждении от Бога, воздвигать ее грехом и произволом. Такая жизнь не выдержит испытания, она неизбежно окажется бесцельной, бессмыс-

ленной и бесплодной, эта жизнь станет пыткой, непрерывным угрызением совести, терзанием сердца, распадом души, гибелью.

Хорошо, если человек, оказавшийся на роковом пути, ведущем в бездну отчаяния, вдруг осознает свою вину перед Богом и станет взывать к Нему: «Господи, спаси меня, я погибаю!»

Пройдя через унижения, неудачи и разочарования и обратившись к Богу, он может еще познать смысл своей жизни и «насладиться множеством мира». «Рожденному ползать» Бог даст ноги разума, чтобы ходить; даст крылья веры, чтобы летать. Перед возрожденным свыше человеком откроются духовные сферы, новые, необъятные горизонты. Бог поможет ему уразуметь, что видимый мир является лишь частью иного, духовного, мира, того невидимого мира, в котором мир видимый черпает свой главный смысл, и что истинной целью нашей жизни является гармония с этим высшим миром. В условиях такой гармонии самоубийство станет актом немыслимым, невозможным.

*Милый друг, иль ты не видишь,
Что все, видимое нами,
Только отблеск, только тени
От незримого очами?*

Глава II

СТОИТ ЛИ ЖИЗНЬ ТОГО, ЧТОБЫ ЗА НЕЕ БОРОТЬСЯ?

Жизнь прожить — не поле перейти. Жизнь — это утомительный труд, тяжелое бремя забот, ответственность перед собою и другими, часто непосильные обязанности, испытания. Жизнь — борьба за существование, за здоровье, за достижение своих целей, борьба с горем, нуждой, одиночеством...

Надо жить! Вот они, роковые слова!

Надо жить — вот она, роковая задача!

Кто над ней не трудился, тоскуя и плача?

Чья над ней не ломилась от дум голова?

В предыдущих главах мы говорили не столько о разумной, трезвой жизни, сколько о всех ее искажениях и извращениях, когда вопрос о смысле борьбы напрашивался сам собою. Но разве этот же вопрос борьбы за «смысл жизни» не состоит в нормальном отношении к земным нашим задачам и целям? «Левин, — пишет Лев Толстой в «Анне Карениной», — ужаснулся не столько смерти, сколько жизни без малейшего знания о том, откуда, для чего, зачем и что она такое?»

Сам Лев Толстой пришел к выводу, что «без знания того, что я такое и зачем я здесь, нельзя жить». И действительно, как нам удовлетвориться жизнью, если радостные, желанные минуты этой жизни отравляются страхом пред неизбежным концом? Как расценивать вчерашний и сегодняшний дни без дня завтрашнего? Мысль о предстоящей смерти не вяжется с нашей натурой, с нашей душой, мы не можем привыкнуть к этой мысли и подчиниться ей. Поэтому во все времена, при любых жизненных условиях человек задавал себе вопрос: «Стоит ли жизнь того, чтобы за нее бороться? Стоит ли игра свеч?»

Но к вопросу: стоит ли завоевывать себе жизнь ценою непрестанной борьбы — может быть поставлен другой вопрос: а во имя чего ты борешься? Чего в здешней «юдоли плача» добиваешься? Какую поставил ты пред собою жизненную цель?

Чтобы ответить на первый вопрос, необходимо прежде уяснить себе вопрос второй, поскольку смысл и ценность жизненной борьбы определяются именно целью жизни и разрешением ее жизненных задач, ибо можно всю жизнь бороться, но бороться напрасно, без малейшей пользы для себя и других. Легко увлечься внешней мишурой этого отвратительного, мелкого «базара жизни», подыскивая себе «товар» в игрушечных и оружейных лавках. Нет ничего более трагичного, чем бесцельность жизни и бессмысленность борьбы. Преследовать исключительно свои узкие, материальные интересы, неизменно связанные с богатством, почестями, наслаждениями, значит не иметь цели и не знать смысла жизни. Принести возвышенное в жертву низменному, значит стать животным, попирающим жемчуг, превратиться в существо, лишенное самых элементарных запросов, самых необходимых жизненных принципов.

Кто из нас не встречал людей, щеголяющих такими фразами: «Накорми сначала, а потом спрашивай о добродетели, заставляй молиться Богу» или «Дело не в личности, а в личности». Разве подобная пошлость не свидетельствует о внутренней пустоте и беспринципности того, кто пользуется этими изречениями?! Разве подобная разнузданность не говорит красноречиво о том, что эти люди в разладе с Богом, с ближними, с самими собой, с жизнью? «Не хлебом одним будет жив человек», — сказал Господь. Когда человек забывает о столь простой истине, он обречен, глубоко несчастен, ибо у него, как у материалиста, все «построено на чреве», для него все «заканчивается земным существованием». Неудивительно, если такой материалист убеждается в бесцельности жизненной борьбы.

Материализм — это безграмотное отношение к жизни,

душевная болезнь, которая не свойственна природе человека. Материалисты заблуждаются, выдавая всякую свою похоть за насущную потребность или видя в нарастании потребностей признак некоего прогресса, а в полном удовлетворении этих потребностей — конечную цель цивилизации. Жить по-человечески — значит вести жизнь существа нравственного. Мы тогда только люди, если живем по-человечески. Мы разумны, если способны жить разумно. Но без разумной цели не может быть разумной жизни. Разумная же цель неразрывно связана с представлением о конечной цели мира и жизни как таковой. Как же понимать эту конечную мировую цель? Для чего создан мир? Зачем и для чего в этот мир пришел человек? Так мы спрашиваем до тех пор, «пока нам не заткнут рот горстью земли». Склонные к необдуманным выводам люди дали миру бесконечный ряд ответов на эти вопросы, но сделали это как бы в подтверждение своей человеческой слепоты и своего полного невежества в духовных вопросах. Только Священное Писание, богодухновенное Слово Божие, является источником света во всех вопросах жизни и смерти.

Если мы отвергнем ответы, данные нам Библией, тщетными окажутся все наши поиски других, более истинных ответов.

По учению Священного Писания, земное назначение человека двояко: познание Бога (богопознание) и приведение к этому познанию других (богослужение — служение Богу). Богопознание и богослужение — вот цель нашей жизни, цель, способная управлять нами. Только она одна способна вывести нас за грань земной ограниченности, поднять нас выше окружающей суеты. Всякая другая цель не является целью абсолютной и унижает человека.

Вряд ли кто-либо решится отрицать, что душа человеческая воистину живет, возвышается и торжествует, когда человек устремляет свои взоры на то, что неизменно, вечно, Божественно. Напротив, кругозор человека суживается, душевные силы слабеют, когда все интересы его исчерпы-

ваются сферой видимого. Сейчас, когда люди во имя разума отказываются от апостольской веры и во имя свободы отвергают вековые устои, умная мысль, крепкие убеждения, сильные характеры являются исключительной редкостью. Человек перестал поднимать свой взор к небу, он смотрит вниз, в преисподнюю, в земной ад; он зарыл талант свой в земное; он легкомысленно жертвует своей жизнью, погибает во имя чего угодно, но не Божьей правды. Редкостью стали люди, которые задумываются над итогами своей жизни, еще меньше тех, которые могли бы сказать:

Без неприметного следа

Мне было б грустно мир оставить...

Сплошь и рядом встречаются люди, эпитафией которым послужат заключительные строки стихотворения:

Жизнь прожита напрасно!

Вчера гулял я по кладбищу,

Читая надписи могил.

Двум-трем сказал: «Зачем ты умер?»

А остальным: «Зачем ты жил?»

Глава III

ЖИЗНЬ, ДОСТОЙНАЯ БОРЬБЫ

Жизнь обольщает человека, засасывает, как тина, увлекает, как мираж... до поры до времени. Затем человек, подобно блудному сыну, приходит в себя и после праздничного разгула расплачивается по счетам безжалостных пороков-кредиторов. И вот тогда-то его начинает беспокоить вопрос, от решения которого нельзя уйти, как нельзя уйти от самого себя. Вопрос этот рано или поздно возникал у людей, стоящих на всех ступенях общественной лестницы, отодвигая на задний план все другие вопросы, привлекал внимание юношей и овладевал сознанием старцев:

«ГДЕ БУДЕШЬ ПРОВОДИТЬ ВЕЧНОСТЬ?»

Он возникает сам собою из недр человеческой природы, из глубочайших тайников нашей души. Однажды, представ пред нашим сознанием, он не может быть устранен, пока не получит должного разрешения.

Всякий, кто хочет прослыть передовым человеком, считает себя обязанным презрительно и даже враждебно относиться ко всему, что связано с этим вопросом. В решении его многие видят что-то отжившее, некий душевный регресс, пережиток устарелых понятий, заблуждений, обман, невежество. Но от решения этого вопроса никто отказаться не может, иначе как отказавшись от наилучших качеств своей природы, от самых глубоких своих стремлений, от благороднейших порывов сердца, сокровеннейших чаяний человеческой души. Самые лучшие люди, каких только знала мировая история, должны были рано или поздно задуматься над этим вопросом и так или иначе решить его.

Блажен, кто праздник жизни рано

Оставил, недопив до дна

Бокала полного вина...

В свое время великий писатель земли русской Л. Н. Толстой «пришел в себя», увидел, что праздник жизни, на торжище которого он так охотно развлекался в молодые годы, окончательно ему опостылел. Все потускнело вокруг и поблекло. «Светская жизнь, — пишет он, — порочна, власть безнравственна, православная церковь лицемерна, занятия культурных людей никому не нужны, низость и жестокость царят в мире... жизнь есть зло и бессмыслица...» И в стремлении освободиться от этого зла и бессмыслицы, тяжело переживая свой духовный кризис, Толстой намечает четыре выхода: неведение, эпикурейство, самоубийство и слабость.

Выход в неведении: освободиться, избавиться, спастись от злой и бессмысленной жизни путем «непонимания» того, что жизнь есть зло и бессмыслица. Однако этот выход подходит лишь глупцам и полнейшим невеждам. Но он не для таких людей, как Толстой. Нельзя забыть то, что ты знаешь, и не быть тем, кем ты есть на самом деле.

Выход в эпикурействе: знать всю безнадежность жизни и тем не менее пользоваться теми ее благами, которые она может время от времени предлагать нам. Сокрушаться и признавать, что все в мире преходяще, все суета сует, но допускать, однако, оговорку, что сладкие плоды этой суеты нам нравятся и их отрадно вкушать.

Выход в самоубийстве: понять, что жизнь есть зло и бессмыслица и, признав столь ужасную очевидность истинной, уничтожить жизнь.

Выход в слабости: признав всю бесцельность жизни, продолжать ее, тянуть, как постылую лямку, зная заранее, что толку от жизни не будет.

Эти четыре «выхода» из запутанной греховной жизни — выходы человеческие, ложные. Самый мудрый скептицизм не избавляет нас от бессмыслицы жизни, не спасает. От скептицизма исходит смерть не только для веры, но и для разума. Он сокрушает основу нравственности. Человеческая душа никогда не может примириться с ним.

*Ты сердцу непонятный мрак...
Ты чуждый мысли человека,
Тебя страшится гордый ум, — сказал Пушкин.*

Как жаль, что в тяжелый период напряженных поисков смысла жизни от духовных взоров великого русского богосискателя был сокрыт единственный истинный выход: вера в Бога и обращение к Нему. Только Бог может сделать нашу жизнь осмысленной, целесообразной и достойной борьбы.

*Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии мрачные скрижали,
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов —
Они безмолвьем отвечали.*

«Ибо, когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор. 1:21).

«Если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

Надо оставить праздник жизни, но оставить не в силу отрицания самой жизни, не для самоуничтожения, а для покаяния и полной перемены жизни кающегося. «Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим» (Иер. 6:16).

Жизнь сама по себе не есть благо или зло. Она только арена, где состязаются благо и зло. Ценность человеческой жизни всецело зависит от того, кому мы нашу жизнь вверяем и кому она подчинена — Богу или нам самим. Если мы оказываемся полновластными хозяевами в своей душе и не позволяем Богу владеть нами безраздельно, нас ожидают падение и гибель, но если Бог владеет и руководит нами, жизнь обретает истинную ценность. Осмысленная Самим Богом жизнь благотельно проявляет себя во всем. Иисус Христос не сказал людям: «делай добро ближнему твоему». Он сказал: «люби ближнего». Он знал, что за любовью после-

дуют и добрые дела. Вот тот источник, откуда черпало силу раннее христианство. Овладейте внутренним человеком — и вы овладеете всем остальным. «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). Христианство первых веков стремилось именно к этой цели и благодаря этому смогло произвести величайший из всех, известных нам, переворотов.

Наша культура была возвращена на благородной почве христианского идеала. В христианстве заложена самая высокая философия. Перед истиной христианства все человеческие размышления меркнут и вскоре окончательно погаснут. Гете писал: «Пусть естественные науки распространяют область своих исследований в ширину и в глубину, пусть ум человеческий совершенствуется, как только может, он никогда не достигнет того величия и той нравственной христианской образованности, которая открыта нам в Новом Завете». Все, что благородно и возвышенно, что исполнено любви и сочувствия к ближнему, что покоится на самоотречении и самопожертвовании, — все это проистекает из одного светлого, священного водоема — христианства, но христианства по Писанию.

Только христианство, возрождающее человека к новой жизни, может спасти его от власти греха, от порочной жизни, от неизбежного «разочарования в вере», от мысли покончить с собой.

Многие думают, что достаточно быть религиозным, чтобы избежать соблазна самоубийства. Но такой взгляд в корне ошибочен. История свидетельствует и убеждает нас в том, что наряду с атеистами, решившимися на самоубийство, погибло от собственной руки великое множество людей, веривших в загробную жизнь. Вспомним случай, описанный Достоевским в его дневнике. Молодая девушка, швея, тщетно старавшаяся найти работу, помолившись Богу, выбросилась из окна четвертого этажа на петербургскую мостовую, держа в руках икону... Формальная религиозность никого не спасет.

Аскетизм, духовная экзальтированность, меланхолия и умственное расстройство доводили многих до самоубийства. Известно также, что большинство факиров и спиритов или сходят с ума, или кончают жизнь самоубийством. Сколько было случаев в России, когда самоубийцами оказывались священники и архиереи, не говоря уже о рядовых членах паствы.

Страх будущего наказания и самая проникновенная «набожность» бывают не в силах побороть жажду самоуничтожения. Только вера в живого, воскресшего и грядущего Христа, вера сознательная, живая и истинная, способна одерживать победы над всеми тяготами жизни, над всеми превратностями судьбы. На вопрос: «Какую жизнь мы должны считать жизнью осмысленной, целесообразной, достойной борьбы?» — следует ответить: «Жизнь человека, обращенного ко Христу».

С обыденной точки зрения, жизнь, посвященная Богу, — жизнь «всеу потерянная», а все глубоко верующие люди (по приговору толпы) — люди «странные», «не от мира сего», «тормозящие прогресс». Но что говорит Христос? «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк. 8:35). Мы начинаем беречь свою жизнь только тогда, когда понимаем наконец, что вне Бога наша жизнь, время и душа навеки потеряны. Но с каким трудом эта истина постигается, как долго иногда человек не ощущает себя потерянным, обреченным, погибшим, как старательно он пытается отмежеваться от тех, кого Христос называет погибшими: «Я пришел взыскать и спасти погибшее».

Почему так необходимо человеку осознать собственную потерянность, обреченность, гибель? Это необходимо пережить потому, что без чувства вины перед Богом и признания справедливости Его вечного осуждения человеку трудно разочароваться в мирской жизни, прийти к сокрушению сердца, к отчаянию, к покаянию, к возрождению свыше.

Известный датский писатель Кирхергардт проповедует

новую заповедь: «Отчайся!» Он утверждает, что всякое истинное духовное преображение для человека возможно только тогда, когда он прошел через горнило разочарований к полному отчаянию. Для многих слабых натур отчаяние — повод к самоубийству. У сильных натур отчаяние — всегда вернейшая побудительная сила к достижению жизненного успеха. По учению Кирхергардта, люди тонущие, ударившись о дно, всплывают на поверхность. Не к этому ли сводится назначение ветхозаветного закона? Не для этого ли Бог дал закон на Синае, чтобы привести человека к святому отчаянию?! «Ибо законом познается грех» (Рим. 3:20). «Закон — путеводитель ко Христу». Наши огромные долги перед Богом, наша полная беспомощность в деле спасения своей души и наше бессилие и неумение идти путями Божьими приводят нас к отчаянию. А отчаявшись, мы обращаемся к Спасителю, Который «...может всегда спасти приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них» (Евр. 7:25).

Жизнь, достойная борьбы, — жизнь по воле Божией.

«Своя волюшка доводит до горюшка», — говорит народная мудрость. Чтобы изжить это горе, Слово Божие повелевает «познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12:2). Запомним раз и навсегда, что наше благополучие всегда прямо связано с благой волей Божьей. У нас своя воля, свои планы, и в этом своеволии и произволе надо искать причину всех неудач. Без воли Божьей мы, как в потемках, «ждем света, и вот тьма, — озарения, и ходим во мраке. Осязаем, как слепые, стену и, как без глаз, ходим ощупью; спотыкаемся в полдень, как в сумерки, между живыми — как мертвые... ожидаем суда, и нет его, — спасения, но оно далеко от нас» (Ис. 59:9-11). Вступая в жизнь, мы строим прекраснейшие планы, ставим заманчивые цели, всячески добиваемся их осуществления. Но однажды, достигнув желанного, убеждаемся, что оно не заслуживало борьбы. Мы, оказывается, заплатили много, а получили мало.

*И план замысловатый, пока он был вчерне,
Казался гармоничным, разумным мне вполне.
Когда ж дошло до дела, то кончилось вот чем:
Большое — стало малым, а малое — ничем...*

У Небесного Отца приготовлены для всех «приходящих в мир» планы — благие, угодные и совершенные. О, какое счастье посетило бы нас, если бы мы подчинили нашу волю воле Божьей и дали Богу возможность выполнить план, который Он, любя нас, приготовил. «Да будет воля Твоя» — вот тайна жизни, благословенной и отмеченной Богом. Наша покорность, послушание воле Божьей — главный урок, всю серьезность которого так трудно понять и навсегда усвоить.

А слово «жить» ведь значит — покоряться!..

Но о такой покорности самоубийцы мало что знают. Однажды гость известного ученого спросил у его дочери: «Чему же тебя учит папа?» Гость думал, что столь великий муж должен преподавать своей дочери нечто особенное. И каково же было его удивление, когда девочка, не задумываясь, кротко ответила: «Послушанию!» Мы не стремимся к послушанию и не ценим его до тех пор, пока не убедимся, какую силою обладает человек, который во всех случаях жизни покоряется Богу и всегда действует по Его воле.

До сих пор мы пытались познать, в чем состоит воля Божья в отношении человека, блуждающего по широким путям греха. Мы услышали Божий ответ: «Покайся!» Теперь мы спросим: «Какова же воля Божья в отношении человека, уже вверившегося Богу?» «Ибо воля Божия есть освящение ваше», — отвечает Слово Божие (1 Фес. 4:3).

Обращаясь ко Христу, человек возрождается свыше для жизни освящения и посвящает себя Богу. Освящает человека Дух Святой.

Все в этом мире суета...

Средь непрестанной здешней битвы

*Без Слова Божья, без молитвы
Нельзя быть воином Христа.*

Жизнь, достойная борьбы, — жизнь разумного служения Богу.

«Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего» (Рим. 12:1).

В чем же выражается это разумное служение? Оно всегда будет во благо тому людскому поколению, современниками которого мы являемся. У каждого поколения есть свои нужды, свои задачи. Но у Бога, знающего, что всего нужнее человеку, есть для каждого века Его цели и Его задачи. Понять волю Божию и цели, которые Бог предопределяет, — вот в чем наша главная обязанность, наше разумное служение.

Для более успешного служения нам необходимо познакомиться с возможностями, преимуществами, тенденциями и чаяниями нашего века, познакомиться не для того, конечно, чтобы идти «в ногу с духом времени», но, чтобы, став выше, нам легче было поднять других.

*«Не отставай от века» — лозунг лживый,
Коран толпы. Нет, выше века будь!*

Апостол Павел назвал свой век, дух времени, «строптивым и развращенным». Если бы мы попытались определить духовную сущность нашего века, мы не ошиблись бы, назвав его напыщенным и жестоким к ближнему; слепым и глухим к Богу. Мы рождены для служения своему поколению, и этого никто не выполнит, кроме нас. Мы призваны провозглашать волю Божию современникам. Эта воля раскрыта нам Евангелием. Благая Весть, с которой Христос послал Своих учеников по всему миру, — «манифест поминовения» для всякого кающегося грешника, манифест, который никогда не терял своей спасительной силы, никогда не был отменен Богом. Весть спасения погибающим —

евангельская весть — действительна для всех веков, народов и поколений. И как бы наш век скептицизма ни вооружался и ни ратовал против Евангелия, он так же нуждается в Спасителе и в спасении, так же нуждается в примирении с Богом и в удовлетворении вечных запросов души.

Неся миру Евангелие Христово, мы непременно встретим со стороны «века сего» вместо благодарности — презрение, гонения и даже мученическую смерть. Но если мы подлинно «посланники Христовы», мы примем все это с радостью. Вот слова, сказанные Самим Христом: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5:10-12). Украинский философ Григорий Сковорода назвал себя «звонарем для глухих и носителем света для слепых». Мы можем оказаться в той же неблагодарной роли светоносцев и звонарей. «Да не смущается сердце ваше» (Ин. 14:1). Напротив, пусть именно эта людская слепота и глухота вдохновят нас на подвиг, приведут нас к молитве за погибающих, помогут нам поступать так, чтобы каждый день, прожитый нами, походил на целую жизнь, чтобы постоянным нашим желанием было остаться до конца дней верными служителями Христовыми.

*Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Пока я не прорежу нивы,
Господь, для сева Твоего.*

Окинем духовным взором необъятные просторы русской евангельской нивы и воскликнем вместе с Карамзиным:

*Нет в мире царства столь пространна,
Где б можно было столь добра творить!*

Возрожденный человек не будет спрашивать, что ему делать. Любовь — сила и руководитель его жизни — укажет ему, где

и как применить себя. Не забудем, что в служении ближне-
му главное — иметь любовь Христову в сердце. Жизнь доб-
рого человека — уже доброе дело для всех окружающих его
людей.

Один богатый парижанин, живший в праздности и неге,
был так разочарован жизнью, что отправился на берег Сены
с мыслью броситься в реку. Надвигались сумерки. Несчаст-
ный богач решил подождать, пока совсем стемнеет. В томи-
тельном ожидании он опустил руку в карман и нащупал там
кошелек, набитый золотыми монетами. «Зачем мне эти
деньги?» — подумал богач и решил отдать их какой-нибудь
бедной семье. Он без труда отыскал жалкую лачугу и, войдя
в нее, увидел больную женщину, лежавшую на грязной
постели. Шестеро бледных, как смерть, голодных детей
просили у матери хлеба. Богач едва уговорил бедную жен-
щину принять деньги — настолько невероятным показалось
ей его предложение. Хижина страданий преобразилась.
Слезы горя сменились слезами радости. Чувство благодар-
ности бедной женщины было настолько глубоким и трога-
тельным, что разочарованный жизнью богач воскликнул:
«Господи, я не знал, что в делании добра людям — такое
счастье!» Остаток своей жизни он посвятил служению Богу
и ближним.

Бог призывает к служению. Но служение наше не долж-
но ограничиваться материальной стороной. Защищать нрав-
ственные начала в человеческом обществе также входит в
круг прямых обязанностей или, вернее, счастливых преи-
муществ каждого из тех, кто разумно служит своему веку.
Сейчас, когда веру называют безумием, любовь — эгоиз-
мом, а святость — гордостью, мы особенно должны возвы-
сить свой голос и ратовать за истину. Подобно ветхозавет-
ному пророку, мы не только сами будем носителями и про-
возвестниками правды, но и других призовем под ее знаме-
на. «О, вы, напоминающие о Господе! не умолкайте», — вызы-
вал к людям ветхозаветный пророк Исаия. Пусть же клич
этот звучит в сердцах, любящих Господа, и сейчас. Весь мир

охватило какое-то жуткое духовное затмение. Ложь является характерной особенностью современного общества. В ней исчезает, гложет все то, из чего складывается нравственная личность человека. Нет недостатка в громких, торжественных фразах. Но ими прикрывают вопиющую несправедливость и злоупотребления. Добродетель давно утратила свой истинный смысл и цену. Среди всеобщей лжи и лицемерия каждый акт самоотверженности кажется подозрительным, каждый благородный поступок объясняется низкими побуждениями. Самоубийцы возведены в ранг героев; маньяки пользуются одобрением толпы; богоотступники и человеконенавистники оказались вершителями людских судеб; издевательства над проповедниками Евангелия вызывают злорадство, бессердечность и дикость принимаются под аплодисменты; насмешки над жизнью стали обыденным явлением, оправдываемым почти всеми. Многие люди дошли до предела нравственного падения и не тяготятся своим погибшим состоянием.

*Зло, добро — все так перемешалось,
Что и зло уж злом мне не казалось,
И в добре не видел я добра...*

«Бывают времена, — говорит Чаннинг, — когда защита великих нравственных начал является лучшей заслугой перед обществом. Внедрить эти начала в жизнь с настойчивым желанием общего блага, прочно и глубоко закладывая их в душу людей, есть нечто большее, чем открывать золотые россыпи или придумывать самые удачные политические комбинации». Мы, верующие, призваны к тому, чтобы защитой нравственных начал и провозглашением Христова Евангелия дать спасительную опору людям, погибающим во грехе. Разве столь ответственная миссия не достойна нашей напряженной борьбы?!

В наш культурный век гордое неверие, смиренное невежество и слепое суеверие в равной мере нуждаются во Христе. Отсутствие религиозного чувства всегда является иска-

жением человеческой природы. Оно встречается только при полном умственном отупении и нравственном падении. Вырвать человека из удушающей атмосферы неверия, освободить от мрачного суеверия и самовлюбленного невежества и привести его к Богу — вот великая и благородная задача. Кто способен решить ее? Только тот, кого Бог научил любить жизнь за ее страдания и надежды, любить людей за их ничтожество и благородство, любить и...

Не забывать, что лучше гор златых —

Иному ласка и слова привет...

Как важно направить ум и сердце человека не только на служение ближнему, но и на служение Богу. «Благое дело, — говорит один из русских мыслителей, — совершает не только тот, кто раздает свои деньги, оказывая помощь ближнему, но и тот, кто умеет своим собственным примером, добрыми советами, своей любовью направить ум людей к их собственной душе, ко Христу, к вечности, к служению Богу».

Нельзя не скорбеть о том, что людьми загублено так много великих дарований, растрачено так много способностей, бесполезно и глубоко зарыто в землю так много талантов. О, какими бы духовными сокровищами обогатился мир, если бы талантливые люди посвятили себя и свои способности служению Богу! На любви к Богу и служении Ему зиждется весь строй нашего нравственного мира. Любовь и служение Богу определяют значение нашей любви к ближнему. Мы угодны Богу и полезны нашему ближнему только в той мере, в какой мы способны любить, служить и жертвовать. Любовь — высшее, истинное благо. Истинное благо — в любви Божьей, доступной каждому всегда, всюду и в одинаковой мере. Подлинная любовь и есть та великая и единая ИСТИНА, которая нашла свое полное воплощение во Христе. «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине» (Ин. 18:37).

Познать, что истина в любви, что любовь — двигатель

всего сущего, единственный источник жизни, познать эту истину, наслаждаться ею и призывать к этой истине других — какое это невыразимое благо для души!

Какая светлая надежда для человека, переходящего в вечность, если он уразумел, что

*Любовь широкую, как море,
Вместить не могут жизни берега...*

Восьмидесятилетний Гете, умирая, прошептал: «Больше света...» Каждый, познавший истину и вступающий с нею в жизнь, должен сказать: «Больше любви!» Тогда не нужно будет думать о самоубийстве и ждать подходящего момента, чтобы «скрестить свои ненужные руки на пустой груди». Пустая грудь наполнится Божьей любовью, а ненужные доселе руки окажутся пригодными на всякое доброе дело. Счастливый обладатель их будет стремиться принести «наибольшую дозу счастья наибольшему количеству людей».

Пока у человека нет возвышенного и разумного представления о смысле жизни, а в его душе нет опоры для обуздания эгоизма, пока у него на первом плане материальные стремления, он бесполезен не только для Бога и ближнего, но и для самого себя. Жизнь человека обретает ценность только тогда, когда Сам Бог вселяется в его сердце и постоянно обитает в нем. Тогда Бог дает человеку Свою духовную силу, разглаживает на его челе морщины, зажигает уста «глаголом правды» и, как своего воина, посылает на фронт веры, на передовую линию Божьей любви.

Можно ли думать о самоубийстве там, где Бог творит чудо возрождения, там, где всецело врученная Богу жизнь — разбитая, бестолковая, погибшая — превращается в жизнь чудодейственной веры, той веры, которая облагораживает самые скромные дела и самых простых людей венчает ореолом неподражаемого величия. Простые рыбаки, мытари, ремесленники явили миру чудо, стали героями истории. Никто из них не пошел на плаху, на крест, на костер ради земных выгод или плотских удовольствий. Мучениками и

героями они стали только благодаря их сильным христианским убеждениям.

Паскаль делил человечество на следующие категории: «люди обыкновенного уровня, затем — люди образованные, затем философы — удивление всех, и наконец христиане — удивление философов». Нет в мире ничего более почетного, чем быть истинным христианином. Мы, христиане, призваны излучать любовь Христову. Люди должны видеть отражение небесного благородства в наших мыслях, словах и поступках. От нас, христиан, люди мира сего ожидают проявления глубокой веры, высокого ума, обширных знаний, святых добродетелей, великих достоинств. Мир нуждается именно в таком свидетельстве о Христе. Мы призваны не рассказывать о Христе, а показывать Христа своей жизнью, каждым нашим словом, каждым шагом, каждым движением. Всякое иное исповедание Христа является лицемерным и для окружающих людей — гибельным. Свидетельствовать перед миром о Христе Бог призвал не философов, а «простых смертных», «немудрое мира сего» — христиан.

Философам принадлежит честь нахождения ответов на некоторые запросы человеческой души, но что знают философы об «источнике воды живой», утоляющем духовную жажду и дающем жизнь вечную? Не это ли незнание — как удовлетворить свою истстрадавшуюся душу — приводит иногда людей к самоубийству?!

Кто способен исцелять тяжкие раны души, удовлетворять ее безграничные запросы? В ком сможет она почерпнуть нужные духовные силы? Кто поможет душе восторжествовать над мыслью о самовольном уходе из жизни? Только Христос!

Только Христос может спасти человека от самоубийства. Только Он один способен восполнить нужды, запросы и чаяния нашей бессмертной души.

Глава IV

БОРЬБА, ДОСТОЙНАЯ ЖИЗНИ

Многим из нас со школьной скамьи памятна наивная история о том, как два мышонка нечаянно свалились в кринку со сливками. Один из них был пессимистом, другой — оптимистом. Пессимист, решив, что борьба бессмысленна, опустил на дно. Оптимист же стал барахтаться. Он уже выбивался из сил, когда почувствовал под собою что-то твердое. Это был комок масла, который он взбил своим барахтаньем. Обрадованный такой неожиданностью, он что есть силы оттолкнулся от масла и выпрыгнул из кринки.

Подобное происходит и в жизни людей. Как много попадающих не в кринки со сливками, а в смрадные чаны порока, из которых как будто бы нет выхода. Сатана пользуется кажущейся безвыходностью и коварно нашептывает душе: «Борьба бессмысленна, жизнь бесцельна... Твои усилия не приведут тебя ни к чему...» Слабые души поддаются временному наплыву тяжелых чувств и бесславно губят себя, забывая, что жизнь нам дана для борьбы и что борьба при Божьем содействии достойна жизни.

*Жить для Иисуса, с Ним умирать —
Лучшую долю можно ль желать?
Стоит смиряться, стоит бороться,
Стоит за это мир весь отдать!*

Целеустремленная борьба способствует выявлению наших духовных нужд, которые удовлетворяются Христом. Удовлетворение этих нужд приводит нас к неземному блаженству.

Что же это за нужды, чаяния и запросы, удовлетворить которые может только Христос? Это прежде всего —

Желание безмятежного счастья и благополучия

Человеку свойственно желать такого счастья, в нерушимости которого можно быть уверенным, счастья, при котором

жизнь не омрачается угрозой смерти, здоровье не расшатывается болезнями, добро не погибает под ударами зла; благополучие не переходит в злополучие и само счастье не превращается в несчастье. Но достижимо ли такое счастье здесь, на земле?

*Какая сладость в жизни сей,
Людской печали не причастна,
Чье ожиданье не напрасно,
И кто счастливый меж людей?*

«Глупцы считают этот мир вполне реальным, — говорит Шопенгауэр, — и цель его видят в земном счастье; но как бы люди ни лелеяли это счастье и как бы судьба ни помогала этому, все-таки оно не более как пустой, обманчивый, превратный и печальный призрак».

Земное счастье способно удовлетворять временно, и притом только людей духовно ограниченных и нравственно обделенных. Бедняки мечтают о богатстве как о счастье, люди богатые мечтают о славе и власти, больные — о здоровье и физической силе и т. п. Люди мира сего живут в постоянной погоне за «печальным призраком» и, не находя такого «счастья», лишают себя жизни.

Но истинное счастье не там, где его ищут люди, оно не в силе, оно не в богатстве и власти, не в перемене внешних условий жизни. Счастье, приходящее извне, лишено прочного основания, оно исчезает так же быстро, как и появляется... Истинное счастье приходит к нам с истинной переменой сердца. Мы несчастны потому, что мы греховны. Никто никогда не наслаждается со спокойной совестью и в полной мере — ни своей известностью, ни славой, ни величием. Другим можно внушать страх, уважение, раболепие, самому же оставаться ничтожным и жалким. Вот она, изнанка жизни! Вот они, кулисы людской славы и людского величия! Грех лишает нас внутренней, духовной радости, отлучает от общения с Богом, не допускает до желанной святости и душевного мира. Но Христос явился, «чтобы

разрушить дела диавола», «дать жизнь с избытком», Христос дает беспредельное счастье, умиротворяет совесть, успокаивает разум.

Человек, пребывающий во Христе, «как ветвь на лозе», с полным правом может повторить слова философа: «Я знаю источник, из которого не черпает чернь...» Мы, верующие, понимаем под определением «чернь» не некий социальный класс, а людей, духовно мертвых, прозябающих в рабстве греха и пороков, людей, в сердце которых не возшло еще «Солнце правды», не наступил духовный рассвет. Да, истинное счастье — в Боге, ибо «полнота радостей пред лицом Его». Пребывая в Боге и заботясь о счастье других, мы находим свое собственное счастье.

Жажда полной независимости и свободы

также является одним из многих запросов души. Власть греха, обитающего в человеческой плоти, — жестокая реальность. Беззаконие является второй натурой человека, беспощадно властвующей над ним. Грех создает те жизненные условия, из-за которых мы лишаемся духовной свободы: слабость перерастает в порок, нравственная неустойчивость заканчивается преступлением, бедность — нищетой, легкомыслие — развратом.

В стремлении обрести свободу человек, по своей природной испорченности, неизменно приходит к произволу, так как ищет свободы не внутренней, не духовной, а свободы внешней, плотской. Произвол — это именно та расслабленность воли, которая подталкивает человека к самоубийству.

Желание освободиться от внешнего гнета жизни вполне естественно, но человек освободится от этого лишь тогда, когда откажется от внутреннего духовного рабства, от которого никто, кроме Христа, освободить не может. Мы легко достигнем истинной свободы, если сильнее природного желания, направленного ко греху, возжелаем жизни в Боге.

Мы достигнем истинной независимости только тогда, когда всецело подчиним свою волю воле Божьей. «Кого Сын освободит, тот истинно свободен будет... Познайте истину, и истина сделает вас свободными» — свободными от власти греха, силы порока, воли дьявола, свободными от «господствующего в мире раствления похотью», от дерзкой мысли самовольного ухода из жизни. Свобода — одна из нужд человеческой души, и Христос пришел удовлетворить ее, но до тех пор, пока в сердце человека нет сильного и властного внутреннего решения жить чисто и свято в любви Христовой, человек будет пребывать в омуте греха и не сможет дышать здоровым воздухом свободы.

Жажда знания и уверенности

в постижимости всего сущего. «Каждый человек имеет естественное желание — знать», — говорит Аристотель. Стремление к знаниям вообще, к постижению смысла всего нашего бытия и тайн мироздания всегда было и будет присуще всякому нормальному человеку.

*Я знать хочу, к чему я создан сам в природе,
С душой скучающей, бесцельным бытием,
С теплом любви в душе, стремлением к свободе,
С сознаньем сил своих и мыслящим умом.*

Жажда постижения всего сущего безгранична. Мы не в силах ограничить наши поиски пределами земного, настоящего; мы исследуем прошлое, предвосхищаем будущее, проникаем в области конкретных и абстрактных понятий, размышляем даже о том, что существует лишь как некая возможность.

«Знание бесконечно, — говорит Джон Раскин. — И человек самый ученый, по мнению людей, так же далек от истинного знания, как и безграмотный крестьянин».

Если нами и всем мирозданием управляет изначально

Суший, Предвечный, Неосязаемый, Вездесущий Бог, тогда наш человеческий разум должен непоколебимо признать, что в мире есть тайны, недоступные его разумению, что далеко не все в мире подвластно нашему контролю и не о всех явлениях и реальностях можно сказать: «Наука доказала». А. Гарнак, тридцать лет жизни отдавший науке, говорил: «Наука — великая вещь, и горе тому, кто не станет ценить ее и угасит в себе стремление к чистому знанию. Но на вопросы: «Откуда?» «Куда?» «Зачем?» наука и сегодня может ответить так же мало, как и две или три тысячи лет назад. Она говорит нам о наличествующей действительности, вскрывает противоречия, находит закономерности в явлениях и исправляет обман наших чувств и представлений. Но где и как началась кривая мира и кривая нашей собственной жизни, та кривая, которую мы знаем только в самой небольшой ее части, об этом наука ничего не может нам сообщить».

Анаксагор сказал: «Ничего нельзя узнать, ничему нельзя научиться, ни в чем нельзя удостовериться: чувства ограничены, разум слаб, жизнь коротка».

Но Бог не мог дать нам жажду познания, отказав в ее удовлетворении. Поступив так, Он обрек бы нас на муки Тантала. (Тантал, погружаясь по шею в воду, не мог напиться; фруктовые деревья поднимали ветви кверху, когда он протягивал к ним руки.) Жизнь превратилась бы тогда в трагедию. Но Бог не подверг нас этим мукам. Мы не обречены вечно стремиться к непостижимому, познавать непознаваемое. Бог, создавая нас, вложил в нашу душу неиссякаемое стремление к познанию, которому нет меры, но эта жажда знания не может быть удовлетворена посредством одного только разума, вне сферы духа и веры.

Удовлетворяя жажду познания, Бог даровал человечеству Свое Божественное откровение, Слово Божие, Священное Писание — Библию. Однако, пренебрегая Божьим откровением, человек блуждает во тьме собственных догадок, предположений и фантазии. Библию критикуют, на Библию нападают, кощунственно высмеивают ее истины, лег-

комысленно отвергают ее требования. Но все эти нападки возможны только при непременном отсутствии у людей серьезного знакомства с Библией, с ее глубоким содержанием. Вот что говорит по этому поводу ученый Марсель де Серрез: «С каким невежеством называвшие себя философами прошлого столетия судили о книге, которую не понимали, да и не могли понять тогда, когда науки еще не были достаточно усовершенствованы. Только в наше время исследования, произведенные естественными науками, показали нам, что сказания Моисея о сотворении мира согласуются с достоверными научными фактами гораздо более, чем все теории, придуманные самыми гениальными людьми».

Бог послал в мир Сына Своего едиnorodного, Иисуса Христа, не только для искупления нашей вины, но и для удовлетворения нашей жажды познания. Чище, выше, доброжелательнее Христа на свете не было никого и никогда. Никто не принес на землю больше света духовного, никто не учил лучше, яснее, полезнее. Не было никого ни до Иисуса Христа, ни после Него, кому бы можно было поверить и довериться больше, чем Ему. Но люди не принимают Христа и не верят Его совершеннейшим словам истины, словам небесного откровения. Почему? Потому что душевное движение, духовный опыт или основы веры нельзя ни положить в реторту, ни рассмотреть в микроскоп.

Дух Святой послан на землю, дабы обличить людей мира сего во грехе неверия, быть Утешителем верующих, их Руководителем и Наставником, но и Он, Утешитель, преступно отвергнут, и нет Ему места в сердцах людских.

«Столп и утверждение истины», Церковь Христова, в лице своих членов свидетельствует из поколения в поколение о «великих делах Божиих», о возможности духовной жизни и уверенности в спасении. В простой, искренней, доступной всем людям проповеди церковь осуществляла свою задачу, неся человечеству откровения Христовой истины, но и тут истину не приняли, проповедников заклеямили, истинную Церковь Христову высмеяли и пригвозди-

ли к позорному столбу. Однако невзирая на безумное отношение людей к Слову Божию, «свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5).

Жажда знания и уверенности утоляется у тех, кто, пользуясь научными знаниями, благоговеет перед откровением Божиим.

Истинное благо души — познание. Наше предельное познание есть Бог. Самое наивысшее благо души — познание Бога. К этому наивысшему познанию человек приходит путем веры, а не рассудка. «Вся история, — говорит Джон Раскин, — подтверждает тот неоспоримый факт, что Бога можно постичь не рассуждениями, а повиновением, что присутствие вечного порядка в мире становится очевидным лишь при исполнении повелений Бога и что только этим путем мы можем на земле познать Его волю». Тем не менее человек умышленно избегает этого пути познания.

Познание озаряет мрак человеческой жизни, обличает человека в том, что он «более возлюбил тьму, нежели свет, потому что дела его злы». Человек предпочитает оставаться в неверии и пребывать во зле. Он страшится покинуть пределы плотской, животной жизни, выйти из тесных рамок своего ограниченного разума. При всем этом верующий человек получает от Бога знание и уверенность. Слово Божие дает знание в вопросах жизни и смерти, Дух Святой и Жертва искупления переполняют наше сердце уверенностью. Доверяясь Слову Божию, мы можем сказать: «Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день» (2 Тим. 1:12). «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный» (2 Кор. 5:1).

Жажда вечной жизни

является одним из главных запросов души. Вечно живущая душа человека не стареет. Достоевский писал об одном

приговоренном к смерти, который за час до казни говорил: «Если бы пришлось мне жить где-нибудь на скале, на такой маленькой площадке, что только две ноги можно было бы поставить, а кругом пусть пропасти, океан, вечный мрак, вечная буря и вечное уединение, — я согласен был бы остаться там, стоя на аршине пространства, всю жизнь, тысячу лет, вечность, лишь бы жить, а не умереть! Только бы жить и жить! Как бы ни жить — только жить!» Столь сильна тяга к жизни в страшную для грешника минуту смерти! Не только душа, но и плоть наша хочет жить всегда, но она греховна и не наследует вечной жизни — из праха взята она, во прах должна возвратиться. Поэтому нет для человека иного блага в земной жизни, как только одна надежда на жизнь будущую, вечную. «Я в мире не жилец, а вдаль стремящийся прохожий...» Мы все «странники и пришельцы» здесь, на земле. «Подобно тому, как мы проводим девять месяцев в утробе матери не для того, чтобы и впредь оставаться там, но для того, чтобы появиться на свет уже способными дышать и жить здесь, так точно в течение времени от детства до старости мы только созреваем для новых родов», — говорил мудрец.

Читатель, вероятно, спросит: «Как мы должны понимать жизнь вечную? Что это за жизнь?»

Жизнь вечная — жизнь духовная, самодовлеющая, безостановочная, неискоренимая жизнь духа, жизнь вне всего материального, вне границ видимого мира, вне сферы разума и области души.

Жизнь вечная — жизнь бесконечная. Для нее исключены все представления о жизни временной, земной, плотской, ограниченной физической смертью: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2:9).

Жизнь вечная — жизнь бессмертная. Бессмертию прямо противоположны вечная смерть и вечное осуждение. «Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему — облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облеч-

чается в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15:53-55).

Жизнь вечная — жизнь Божья, обитающая в душе верующего, возрожденного свыше человека, жизнь, которую нельзя умертвить, изгнать, прекратить, уничтожить.

Человек жаждет вечной жизни, ибо сам является вечным существом. Бог создал человека вечным, и человек не найдет счастья вне Бога. Он, как сосуд, предназначается для обитания в нем Бога. Будучи бесплотным, вездесущим, святым и невидимым, Бог желал через человека, человека во плоти, являть Свое могущество и силу, Свое величие и славу. Но человек пал в грех, и храм души человеческой, в котором должен был обитать Создатель, превратился в вертеп сатаны, в резиденцию греха, порока и всякой нечистоты. Человек утратил жизнь в Боге и, живя вне Бога, «пребывает в смерти», и жизни вечной не наследует.

Человек жаждет вечной жизни, но безрассудно пытается обрести ее без Бога — в этом трагедия современных мистиков-богоискателей. Они забывают, что подлинная духовная жизнь нами потеряна. Мы «мертвы во грехах и беззакониях» и сами себя никогда не сможем ни оживотворить, ни воскресить. Мы забываем также, что Бог, по Своей к нам любви и милости, дарует эту вечную жизнь каждому кающемуся и чистосердечно обращающемуся к Нему. Христос всегда готов удовлетворить желание человека жить вечно. «Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек, и никто не похитит их из руки Моей» (Ин. 10:28).

Жажда дружбы и искреннего взаимного общения

также является одной из главных нужд человеческой души.

По природе мы очень одиноки и чем дольше живем в этом мире, тем мучительнее ощущаем свое одиночество.

Одиночество — это тот ужас, от призрака которого стремится убежать каждая человеческая душа. Человек всегда ищет «кого-нибудь», с кем бы можно было «молвить слово». Человек ищет дружбы. Но истинная дружба — самый благоуханный и вместе с тем редчайший цветок в пустыне этого мира. В сокровищнице мировой поэзии мотив одиночества звучит сильнее всего. Мечтая о дружбе, поэты вынуждены признать, что на земле царит «беспощадное» одиночество.

*Проходят дни, проходят сроки,
Свободы тщетно жаждем мы.
Мы беспощадно одиноки
На дне своей души-тюрьмы.*

*Присуждены мы к вечной келье,
И в наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Так дьявольски искажено...*

Часто друзья покидают нас в тяжелую минуту жизни, и дружба, казавшаяся прочной, рассеивается, как дым. Какой бы нежной и преданной ни была дружба, она всегда оказывается «меньше» того, о чем мы мечтаем. Она будет всегда бессильна удовлетворить ту нашу глубокую потребность, которая живет в бессмертной душе. Мы способны сказать брату, жене, другу, матери, отцу о многом, но в тайниках души всегда останется «нечто», чего открыть нельзя даже самому близкому, дорогому и надежному человеку. Знающий об этом уже не обольщается надеждой найти «совершенного» друга. Ему ясно, что сердце может удовлетвориться только дружбой Божьей, и он непременно найдет Того Друга, Которому можно открыть свою душу.

Мы можем назвать истинным другом только Того, Кому известны все наши положительные и отрицательные стороны и Кто все же продолжает любить нас. Истинный Друг охотно испивает вместе с нами чашу нашего горького одиночества. Но как мало тех, кто готов любить нас «незаслу-

женно», кто способен нести тяжкое бремя нашего несовершенства, услаждать горечь одинокой души, подставлять плечи под тяготы и нужды нашей личной жизни. Как много в мире людей, жаждущих дружбы, но как мало тех, кто достоин дружбы и кто может быть назван другом! Христос знает нас, одиноких и несовершенных, и тем не менее ищет нашей дружбы.

*Как много в мире обществ и кружков,
Где под личиной дружбы — лицемерье.
Но круг любви Христовой не таков,
В нем каждому — внимание и доверье.*

Большинство людей, жаждущих дружбы, забывают об этом. Люди забывают о том, что высшее наше наслаждение — только в общении с Творцом. «Только в Боге успокаивается душа моя», — восклицает псалмопевец. Бог создал нас, дабы мы разделили с Ним блаженство взаимного общения. Бог являлся в Едемский сад к Адаму и Еве и в прохладе дня беседовал с ними. Но эта дружба длилась недолго. Грехопадение человека все нарушило, изменило, уничтожило. Остался только идеал дружбы, желание найти утраченное, восстановить разрушенное...

В душе человек отлично знает, что только дружба со Христом может ответить всем требованиям и запросам, осуществить идеал и обогатить вечными, немеркнущими ценностями.

Человек жаждет такой дружбы, которая способствовала бы его духовному росту. Дружба, предлагаемая Христом, всецело удовлетворяет эти требования. «Никто в мире, — говорит Метерлинк, — не ищет так жадно красоты, ничто в мире так легко не воспринимает красоту, как душа. Ничто в мире не возвышается так естественно и не облагораживается столь быстро. Ничто в мире не возвышает душу более незаметно и естественно, чем уверенность, что поблизости есть «Некто», чистый и прекрасный, Кого она может любить беспредельно».

Можно сделать вывод, что нет большей опасности для человека, чем близость с дурными людьми, и нет высшего блага для души, чем общение с совершеннейшим Христом. И кто может заменить или превзойти Христа в этом отношении? «Пройдем все летописи, обозрим все государства, исследуем все памятники, изучим все произведения искусства, взглянем на окружающую жизнь, призовем на помощь воображение — найдется ли что-нибудь выше, чище, благороднее, любвеобильнее и святее Его характера и Его действий? Это явление — единственное в истории человеческого рода, ни с каким не сравненное, особенное, чудесное. Ни прежде, ни после, нигде, никогда, ни наяву, ни во сне не видано, не слыхано, не думано, не вообразено ничего подобного», — говорил академик Погодин. В присутствии кого человеческая душа способна была бы так возвышаться и облагораживаться? Какая иная красота может дерзнуть сравниться с нетленной красотой Христа? И действительно:

Одна есть в мире красота —

Любовь за нас распятого Христа —

та красота, которая, по словам Достоевского, призвана спасти мир. И если сердце человеческое завоевывается не оружием и угрозами, а любовью и великодушием, то победа Христа над душою человека обеспечена.

Истинное христианство зиждется не на признании тех или иных исторических фактов, относящихся к личности Христа, и состоит оно не в том, чтобы исполнять строгие правила жизни. Соблюдение всех правил ценно и подражание святой жизни Христа необходимо, но подлинная сущность христианства — в даре Божьем, даре познания Бога, в даре чудодейственной веры и неисчерпаемой любви Христовой. В этой любви — залог бессмертия и вечной дружбы с Ним!

Для человека, мало знакомого с Писанием, утверждение о возможной дружбе со Христом может показаться кощунственным. Но в этом нет ничего кощунственного. Авраам

был назван «другом Божиим», Енох «ходил пред Богом», Моисей был другом Божиим. Бог говорил с Моисеем, как со своим другом. Священное Писание говорит о дружбе Бога с Давидом и множеством других мужей Божьих. Дружба с Богом преображала людей: простые становились великими и самые великие — простыми... Евангелие обладает свойством проникать как в души обыкновенных смертных, так и в души самых великих мыслителей. Оно принимается Франциском и Ньютоном, неграмотным русским крестьянином и академиком Павловым. Мудрые люди никогда не считали предосудительным подчиниться влиянию, которое способно пробуждать благородные чувства, принимать мудрые решения, совершать святые поступки.

Чем замечательны ветхозаветные патриархи и пророки, новозаветные апостолы и мученики, реформаторы всех веков, как ни этой именно дружбой с Богом, сознанием, что Бог присутствует на каждом шагу их жизни. Христос сказал: «Се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20) — и учил учеников этому не только путем проповеди. Иначе как понимать нам все Его явления ученикам в течение сорока дней и такие же внезапные исчезновения — в горнице, на горе, на берегу озера, по дороге в Еммаус, в саду, в Вифании? Воскресший Христос учил апостолов, открывая им, что отныне Он всегда с нами. Он с нами даже тогда, когда меньше всего можно подозревать Его присутствие, Он с нами во всех обстоятельствах жизни. Он никогда нас не покидает.

Не эта ли уверенность в постоянном невидимом пребывании Христа среди апостолов сделала их великими?! Не это ли незримое присутствие Христа одухотворяло и облагораживало не только апостолов, но всех христиан древне-апостольской эпохи?! Не оно ли вызывало в душе восторг и заставляло людей ликовать в узах, в катакомбах, в заточении, на крестах, на аренах среди разъяренных зверей, на кострах, перед первосвященниками, судьями, правителями и царями?!

Дружба с Богом является краеугольным камнем христианства. Она основана на Его пребывании Духом Святым в сердце человека. «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3:20). «Вселюсь в них, — говорит Господь, — и буду ходить в них» (2 Кор. 6:16). «Христос в вас, упование славы» (Кол. 1:27). «Испытывайте самих себя, в вере ли вы? Самох себя исследывайте. Или вы не знаете самох себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть» (2 Кор. 13:5).

В чем же заключается высокий смысл дружбы с Богом? В том, чтобы Богу можно было обогатить нас Собою, чтобы сообщить нам Свой Дух, Свое подобие, Свой совершенный характер, чтобы избавить нас от чувства страха и одиночества, чтобы защитить нас от дьявола, руководить нами и прославляться через нас, чтобы таким образом мы способны были «возвещать совершенства Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Пет. 2:9).

Дружба со Христом! Какая великая привилегия, какая высокая честь! Сам Христос называет верующих Своими друзьями: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (Ин. 15:14).

Единственное условие дружбы, которое Господь ставит человеку, — «если исполняете». Есть люди, которые легкомысленно полагают, что для дружбы со Христом достаточно «признавать Бога», быть «набожным», жертвовать на сооружение храмов, приютов, больниц, уйти в монастырь, изнурять себя постом и поклонами, носить вериги.

Заметим, что слово «исполняете» указывает на то, что наша дружба с Богом всегда должна быть не на словах, а на деле. «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам».

Что же Христос заповедал нам исполнять?

«Заповедь новую», которую Христос дал нам.

В чем же эта новая заповедь выражается?

Она выражается в двух требованиях — в вере и любви. «А

заповедь Его та, чтобы мы веровали во имя Сына Его Иисуса Христа и любили друг друга, как Он заповедал нам» (1 Ин. 3:23).

Если мы «друзья Его», наша жизнь должна строиться на вере в Бога и любви к ближнему. От силы этой любви в нашем сердце зависит наша жизнь. Душа, не любящая и не любимая, — душа одинокая, мертвая. Мало радости в жизни такой души. Мало толку от такой души и другим. Христос заповедал Своим друзьям вести жизнь веры и любви, жизнь углубленную, вдумчивую, возвышенную, напряженную, жизнь, изобилующую сильными чувствами, здоровыми желаниями, смелыми подвигами.

Чего хочу? Всего, со всею полнотою:

Я жажду знать. Я подвигов хочу.

Еще хочу любить с сердечной чистотою,

Весь трепет жизни чувствовать хочу!

Может ли верующий — друг Божий — допустить мысль о самоубийстве, когда сильный и любящий его Друг всегда с ним — во всех случайностях и превратностях жизни, даже во дни всеобщего богоотступничества и охлаждения любви, при личных неудачах и потерях, в испытаниях, болезнях и нужде?!

Истинные друзья всегда связаны взаимной любовью и доверяют друг другу. Доверие — твердая основа всякой дружбы. Доверие зиждется на любви. Кого любим, тому и доверяем. Если я не люблю Бога и не убежден в Его любви ко мне, я, естественно, не могу Ему довериться. Но если я Богу не доверяю, как могу я стать Его другом? Никакое человеческое содружество или сотрудничество немислимо без взаимного доверия. Только любовь Христова, только она вызывает взаимную любовь и взаимное доверие. Этих чувств не может вызвать человеческая дружба. Они вызываются и крепнут дружбой Божьей. Способность любить Бога и доверяться Ему — самая светлая, высокая и самая могущественная сила.

Наше чувство любви к Богу — только следствие любви Христовой к нам. «Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою <...> Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши» (1 Ин. 3:16; 4:9,10).

«Всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4:7,8). «Пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4:16). Подобно тому, как простой кусок железа притягивается магнитом и от частого соприкосновения с ним сам получает такие же свойства, так и человек, привлеченный силою Божьей любви, становится способным на то, на что не был способен никогда раньше, — любить Бога, любить ближнего, любить врагов, любить всех! Если мы становимся друзьями Божьими, «любовь Божия изливается в сердца наши Духом Святым» (Рим. 5:5). «И сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2:8,9).

У друзей всегда самые простые и самые искренние взаимоотношения. Непонятной показалась бы дружба, если бы друг оказался в стороне от всех планов и дел того, с кем он делил свою дружбу, стал безучастным и не разделял бы всех затруднений своего друга. Можно ли назвать друзьями тех людей, которые избегают друг друга, а при случайной встрече чувствуют странную напряженность и ждут, как бы поскорее расстаться? Такой же странной покажется и наша дружба с Богом, если у нас не будет ни молитвенных бесед, ни томительной жажды пребывать с Богом в уединенном благоговейном общении. Давид говорит: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс. 41:2).

Являемся ли мы друзьями Божьими? Знают ли о нашей дружбе с Богом окружающие нас люди? Рассказывают, что один из друзей президента Линкольна, умирая, завещал не упоминать своего имени на могильной плите. Он просил

только начертать на ней: «Здесь покоится друг Линкольна». Дал бы Бог, чтобы в сердце и на всей жизни каждого, кто обратился к Господу, можно было прочесть: «В душе этого человека обитает Христос». Искренняя дружба, глубокая любовь, настоящая привязанность рождаются только дружбой, любовью и привязанностью.

У настоящих друзей друг от друга секретов нет. Чуждое нам и часто тягостное общение с людьми толкает нас к уединению. Общение с людьми откровенными располагает к откровенности, им мы вверяем наши тайны, им открываем сокровенное нашей жизни, святое святых нашей души. Случайных гостей мы принимаем с соблюдением всех требований этикета, друзья же приходят к нам запросто, являются даже на кухню — они посвящены во все тайны нашей домашней жизни. Перед ними мы появляемся без внешних прикрас.

Бог всегда открывает Свои секреты, Свои тайны, Свои планы и Свою волю тем, кто приближается к Нему, бодрствует подле Него. «И сказал Господь: утаю ли Я от Авраама, что хочу делать!» (Быт. 18:17). Бог ожидает от человека такого же отношения. Все, что мы переживаем в сердце, чувствуем в душе, мы должны излить Богу в молитве, поведать Ему даже о наших сомнениях, тревогах и ропоте — такая искренность только укрепит и углубит нашу дружбу с Богом.

Друзья спешат исполнить взаимные желания. Суровые наставления и принуждения в обыденной жизни — «ты должен», «ты обязан» — не приемлемы для истинной дружбы. Дружбе свойственна взаимная предупредительность, послушание и угождение. Авраам с радостью вышел «из земли своей, из родства своего, из дома своего» и поступил так потому, что любил Бога и доверялся Ему. Авраам знал, что Бог хочет ему блага. Если мы любим, мы стараемся угадать и предупредить каждое желание любимого нами друга. «Желания боящихся Его Он исполняет», а «желания праведных есть одно добро».

Истинные друзья всегда готовы постоять друг за друга.

Авраам став на сторону Бога, отмежевался от окружающих язычников, и Господь ободрил Своего слабого, но верного друга: «Не бойся, Аврам; Я твой щит» (Быт. 15:1). Когда мы «защищаем» Божьи интересы, Бог защищает наши. «Не оставлю тебя и не покину», — говорит Господь (Евр. 13:5). «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откр. 2:10).

В подобной дружбе, отвечающей нашим земным идеалам, нашим человеческим чаяниям и душевным запросам, — величайшая нужда повсюду. Земная дружба ненадежна, у нее свои ограничения, свои сроки. Дружба со Христом — безгранична, неизменна, вечна. Подружиться, сблизиться с самым Совершеннейшим из друзей — благословенная и неотложная задача каждого человека. Однако особенно она важна для тех сердец, которые только вступают в жизнь. Какой благодатный отпечаток наложит эта святая связь на жизненный путь юношей, смело вверивших свое настоящее и будущее Богу: «Они будут Моими, говорит Господь Саваоф, собственностью Моею в тот день, который Я соделаю, и буду миловать их, как милует человек сына своего, служащего ему. И тогда снова увидите различие между праведником и нечестивым, между служащим Богу и неслужащим Ему» (Мал. 3:17-18). Различие это скажется в различных жизненных ситуациях. «Если горе, — говорит Метерлинк, — постучится в две двери рядом, разве оно произведет одинаковое действие в доме праведника и грешника?»

Но еще ярче это различие выразится в конце нашего жизненного пути.

Знаменитый исследователь Африки миссионер Давид Ливингстон был найден в своей походной палатке мертвым, но коленопреклоненным перед раскрытой Библией. Тело его было перевезено в Лондон и с торжественностью погребено в Вестминстерском аббатстве — усыпальнице национальных героев Англии. В день его погребения один из многочисленных столичных журналистов заметил в толпе горько рыдавшего человека. Это был грязный оборванец.

«Почему вы так тяжело переживаете вечную разлуку с великим человеком?» — спросил журналист бродягу. И вот что бедняк поведал ему:

«Давид — мой незабвенный друг детства. Мы сидели с ним за одной партой в народной школе. Наши родители принадлежали к одной и той же церкви. Мы вместе с Давидом посещали одну и ту же воскресную школу. Пастор наставлял нас в христианских истинах, ожидая нашего сознательного обращения ко Христу. Никогда не забуду тот день, когда мы с Давидом последний раз присутствовали на уроке в воскресной школе. Окончив начальную школу, мы перешли в среднее учебное заведение. Наш верный друг пастор был особенно растроган предстоящей разлукой. «Дети мои, — сказал он нам, — вы приблизились сегодня к одному из жизненных поворотов; их у вас еще много впереди. Ваша дальнейшая жизнь будет зависеть от того, сумеете ли вы правильно определить свое жизненное назначение и жизненный маршрут, сможете ли избежать ложных путей и будете ли располагать нужными духовными силами, чтобы одержать победы в предстоящей жизненной борьбе... В течение нескольких лет я старался как мог открыть вам человеческую слабость, беспомощность перед грехом, плотью и миром, раскрыть вам всю нужду человека во Христе, в драгоценном Спасителе, Который предлагает нам Свою дружбу, Свое общение, водительство, защиту, Свой путь, Свою неисчерпаемую мудрость и силу. К моему сожалению, я должен заметить, что теоретически все эти истины знакомы вам, но практически вы их не усвоили еще, вы еще не сталкивались со всесокрушающей стихией беззакония, не оплакивали своих грехов, не чувствовали себя беспомощными перед злом, не вручили еще своего сердца Богу. Если вы не стремитесь к покаянию и обращению ко Христу сейчас, когда ваша молодая совесть столь чутка, мысли чисты, воля свободна, когда сердце, душа, разум жаждут правды и устремляются ввысь, то боюсь, что позже совершить этот необходимый шаг вам будет все труднее и труднее...»

О многом важном и возвышенном говорил нам в тот день пастор, и прежде чем расстаться с нами, предложил нам преклонить колени и в покаянной молитве вручить свое сердце, свою будущую жизнь живому, воскресшему Спасителю Господу Иисусу Христу. Мы опустили на колени. Молился пастор, молился Давид, молились они долго и как-то особенно горячо и вдохновенно, я же стоял, понунав голову, с пустым сердцем, в тяжелой душевной раздвоенности. Мне было стыдно, что я «малOVER», вернее, неверующий, присутствую здесь в столь священную минуту. Я пожалел, что заглянул в школу в этот именно день, а не попрощался с пастором в другом месте, при других обстоятельствах. Я неуклюже поспешил покинуть друзей, кое-как распростившись с ними. С тех пор я никогда не встречал ни Давида, ни пастора. Наши пути разошлись. И только теперь, спустя много лет, я вижу и понимаю, как разумно поступил тогда Давид, вручив свою жизнь Христу, и каким безумством было отвергнуть Спасителя, как отверг Его я, и пойти путем собственного произвола, путем своего ничтожного, слепого разумения...

— Вы с сожалением смотрите на мои отрепья? — спросил несчастный. — А ведь в моей жизни тоже были хорошие времена. Я не был обижен судьбою, у меня, пожалуй, было не меньше шансов на счастье, чем у Давида. Я даже пользовался некоторым успехом до известного времени, но мой успех не имел прочной нравственной основы, свой «дом» я строил на песке... «и пошел дождь, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое». Вот печальная и трагическая история моей жизни. Давид — национальный герой, гордость Англии, я же несчастный, больной, одинокий, погибший человек. Такова моя житейская драма. Ночью ютишься под мостом, дни коротаешь по кабакам. Я загубил свою жизнь без Христа! И мудрено ли без Него загубить свою душу?» — закончил свое грустное повествование бродяга, и, закрыв лицо красными опухшими руками, горько рыдая, несчастный поспешно смешался с толпой.

Печальная история. Но разве такие случаи редки в наши дни? Друг детства увенчанного славой Ливингстона, вероятно, и не думал о самоубийстве физическом, но разве жизнь, прожитая таким образом, не может быть названа медленным моральным самоубийством?! Как много среди нас людей, сознательно и упорно убивающих часы, недели, месяцы и годы, губящих свою драгоценную, неповторимую жизнь! Если измерять жизнь степенью ее полезности и расценивать ее, как любое повествование, не по продолжительности, а по содержательности, то окажется множество людей, жизнь которых представляет собой не стройную, талантливо написанную книгу, а бездарное нагромождение пустых слов, ненужных фраз, жутких фактов. Долгие годы своей жизни эти люди порывались убрать глыбы со своего жизненного пути, засыпать ямы, перекинуть мостики между рвами... Но эти порывы и желания с каждым годом слабели, затем испарялись и улетучивались, и в конце концов авторы таких «произведений» приходили к выводу, что они, как и друг Давида Ливингстона, отдались волнам, плыли по течению, безрассудно прожигали жизнь, строили свой дом на песке...

«Сблизься же с Ним, — говорит многострадальный Иов, — и будешь спокоен» (Иов, 22:21). «Легко сказать — сблизиться с Ним, — возразит отчаявшийся. — Как мне сблизиться с Ним, если я подошел к самому краю зияющей бездны и стою над этой пропастью с роковым вопросом: «Быть или не быть?»»

*Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой!..*

Вы говорите, трудно сблизиться? Но какая же это трудность, если Сам Христос сейчас стучит в ваше сердце? Имеете ли вы право отчаиваться? Христос давно озабочен вашей судьбой, судьбою вашей души. На протяжении многих прошедших лет Он неоднократно шел к вам через все ваши падения, неудачи, через болезни, лишения и нужды...

Но вы, духовно слепые и глухие, ничего не видели, ничего не слышали... И вот Он снова стучится к вам сегодня. Стучится стуком тех истин, с которыми вы познакомились при чтении этой дружески настроенной книги.

Что может ныне воспрепятствовать вам возвратиться к Богу? Господь наш Иисус Христос не случайно был назван «другом мытарей и грешников». Он пребывал и пребывает Спасителем, «могущим снисходить невежествующим и заблуждающимся». «Христос вчера, и сегодня, и вовеки Тот же» (Евр. 13:8). Нет такого греха, которого Бог не мог бы простить кающемуся, нет такого неверия, от которого Он не мог бы избавить, нет такой бездны человеческого падения, из которой Он не мог бы извлечь.

Псалмопевец Давид убедился в столь великом могуществе Божьем и, свидетельствуя об этом, говорил: «Объяли меня болезни смертные, муки адские постигли меня; я встретил тесноту и скорбь. Тогда призвал я имя Господне: Господи! избавь душу мою. Милостив Господь и праведен, и милосерд Бог наш. <...> Ты избавил душу мою от смерти, очи мои — от слез и ноги мои от преткновения. Буду ходить пред лицом Господним. <...> Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои; и вложил в уста мои новую песнь — хвалу Богу нашему» (Пс. 39:2-4; 114:3-5,8,9).

В спасительной силе Божьей убедились и убеждаются миллионы обращающихся к Нему людей. «Я взыскал Господа, и Он услышал меня и от всех опасностей моих избавил меня. Кто обращал взор к Нему, те просвещались, и лица их не постыдятся. Сей нищий воззвал — и Господь услышал и спас его от всех бед его» (Пс. 33:5-7). Патриархи, пророки, апостолы, мученики, святые люди всех веков и народов свидетельствуют своим славным духовным опытом о возможности спасения и получения от Бога новой духовной природы. Они утверждают достоверность бессмертия. Пред их святым христианским подвигом нравственное отча-

яние, неверие, скептицизм теряют под собой почву. Это великое «облако свидетелей» обнадеживает нас и удостоверяет, что верой в Бога человек обретает силу, он овладевает удивительной мощью, господствующей над всеми силами «мира сего», над законами плоти, превратностями жизни, над всеми «ударами судьбы». Библия изобилует удивительными примерами, подтверждающими достоверность и непреложность этой истины. Ее страницы таят в себе неопровержимое свидетельство Божье о возможности столь желанной для нас внутренней духовной перемены.

О, недаром, брат, недаром ослепительно и ярко

Светят звезды мысли вечной

На страницах обветшалых

Этой хартии великой, этой были вековой...

Друг мой — усталый, страдающий! Взойди мысленно на Голгофу, сблизься с распятым за твои грехи Спасителем и будешь спокоен. Воззри на Его раны, взгляни на Него Самого в терновом венке, и это будет лучшим лекарством для твоей мятущейся, измученной, надломленной души. Никто не сможет проявить к тебе большей любви, чем проявил Христос: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Христос проявил еще большую любовь, когда Он положил душу Свою за нас — не друзей, а врагов Его.

Обратись ко Христу, и пусть тебя поносят тогда враги и бывшие друзья, перебежавшие в лагерь твоих гонителей; любвеобильный Спаситель никогда не отвергнет тебя, кающегося и просящего о небесной милости; пусть тебя осудит весь мир, но Спаситель простит тебя, помилует и приблизит к Себе — как лучшего друга. Но если ты, упорствуя, отказываешься обратиться к Нему за спасением и даже решаешься посягнуть на свою жизнь, тогда твердо знай, что ты погиб и не простится тебе смертный грех твой никогда!

К тебе, друг мой, обращается Господь с призывом милосердия. Христос предлагает тебе единственно правильный

и во все времена миллионами душ испытанный путь спасения.

«Сблизься же с Ним — и будешь спокоен» (Иов, 22:21).
Покайся пред Ним — и будешь спасен!

Оглавление

ОТ АВТОРА...	5
--------------	---

Глава I

ПОВОДЫ К САМОУНИЧТОЖЕНИЮ...	9
-----------------------------	---

Самоубийство, вызванное пропагандой ложных идей...	10
Самоубийство как следствие неправильного воспитания...	15
Самоубийство как результат неправильного взгляда на жизнь...	24
Самоубийство как следствие отсутствия у человека духовных сил, необходимых для победы над жизненными трудностями...	34
Самоубийство как предрешенный уход из бессмысленной и бесплодной жизни...	45

Глава II

СТОИТ ЛИ ЖИЗНЬ ТОГО, ЧТОБЫ ЗА НЕЕ БОРОТЬСЯ?...	53
---	----

Глава III

ЖИЗНЬ, ДОСТОЙНАЯ БОРЬБЫ...	57
----------------------------	----

Глава IV

БОРЬБА, ДОСТОЙНАЯ ЖИЗНИ...	71
Желание безмятежного счастья и благополучия...	71
Жажда полной независимости и свободы...	73
Жажда знания и уверенности...	74
Жажда вечной жизни...	77
Жажда дружбы и искреннего взаимного общения...	79

